

Д. Г Р А Н И Н

ПОБЕДА
ИНЖЕНЕРА
КОРСАКОВА

Содержание

-
- [Даниил Гранин](#)
 - [Победа инженера Корсакова](#)
 - [Вариант второй](#)
-

Победа инженера Корсакова

Повесть

Войдя в кабинет директора института, Николай Корсаков увидел самого директора Михаила Ивановича, главного инженера Полякова, начальника своего отдела профессора Арсентьева и черноволосого смуглого бородача, лицо которого показалось ему знакомым.

В воздухе колыхались голубые пласты табачного дыма, — видно, сидели здесь давно и спорили изрядно, потому что даже некурящий Арсентьев нервно мямл пальцами папиросу. Шумный разговор оборвался, все обернулись в сторону Корсакова.

— Мы решили, — сказал Михаил Иванович, — поручить вам разработку нового прибора. Вот тактико-техническое задание. — Он протянул Корсакову папку.

Николай положил на колени белое картонное «дело ТТЗ». Все, что угодно, но этого он не ждал.

— Позвольте, Михаил Иванович, а как же моя тема?

Михаил Иванович перемигнулся с главным инженером, оба рассмеялись. Николай понял, что все ждали этого вопроса.

— Я думаю, что новый прибор заинтересует вас, Николай Савельевич, — сказал главный инженер. Он стал пояснять назначение прибора, время от времени поглядывая на бородача, словно нуждался в подтверждении своих слов.

Николай искоса взглянул на Арсентьева, тот устало и безнадежно пожал плечами.

«Уже сдался», — озлобленно подумал Николай. Он выждал, пока главный инженер кончит, и снова твердо сказал:

— Нам осталось до окончания темы три-четыре месяца.

Бородатый незнакомец сердито посмотрел на него.

— Над вашей темой, — сказал главный инженер, — пока продолжит работу Родин. Кроме вас назначить некого, вы сами понимаете.

— Если не ошибаюсь, — миролюбиво заметил Михаил Иванович, — вам представляется случай проверить практическое приложение вашей темы.

— Она в этом не нуждается, — вызывающе сказал Корсаков.

— Ого!.. Какая она у вас самоуверенная и нелюбопытная! Когда вы узнаете, для какой замечательной машины предназначен прибор, гордиться будете. Срок вам четыре месяца. Что, мало?

Директор обеспокоенно насторожился, словно приготовился к спору.

Николай рассмеялся. Он понял откровенную хитрость Михаила Ивановича и тотчас закусил губу в досаде на свою несдержанность.

— Модель товарища Ильичева будет готова к первому августа, к этому числу прибор должен быть сдан. (Бородач утвердительно кивнул.) Учтите, это правительственный срок. Так что, — Михаил Иванович погрозил пальцем, — совмещать не удастся, не пытайтесь. Тут надо уйти с головой в работу. Сесть — и встать, когда все будет кончено.

Видимо, он заметил смятение Корсакова и, чтобы дать ему время собраться с мыслями, вновь повернулся к Ильичеву.

— Эх, была бы моя воля, позапирал бы я их всех по комнатам! Кушанье — через форточку, сидите и занимайтесь. А то вот весна подошла, заведут шуры-муры...

Не слушая его, Николай быстро перебирал в памяти: Ильичев, Ильичев... Перед ним возникали газетные заметки, фотографии, статьи... Да, незнакомый бородач — это и был известный конструктор и изобретатель Ильичев.

— Все равно, — сказал он, заглушая возникающее волнение, — все равно ваше решение неправильно. Меня интересует сейчас только моя тема.

Михаил Иванович шумно вздохнул. Повидимому, от резкости его удерживало только присутствие Ильичева.

— Такой порядок заведен в кружках самодеятельности — каждый занимается чем хочет, — сказал он.

Николай встал, сухо, по-военному, спросил:

— Разрешите итти?

Ответом был недовольный кивок, но в это время из-за стола поднялся Ильичев и подошел к Корсакову.

— Желаю вам успеха, — голос его неожиданно оказался мягким, почти нежным, — надеюсь все же, что новый заказ кое-что даст нашей теме, а может быть, и заинтересует вас.

Николай неловко пожал дружески протянутую ему руку и быстро вышел.

Он шел по коридору, то останавливаясь, то ускоряя шаги, и все яснее перед ним вырисовывался смысл случившегося.

Вместе с Семеном Родиным, своим старым институтским другом, он уже около года занимался под руководством Арсентьева теорией автоматического регулирования.

Глубоко, по-новому решалась одна из труднейших проблем современной автоматики. За ними было первенство, они шли, намного опередив другие институты в Советском Союзе и за границей. И вот теперь, перед самым окончанием работы над их темой, когда предстояло собрать плоды годового напряженного труда, его отрывают для какого-то узкого конструкторского задания. Сколько сокровенных замыслов останутся незавершенными! Сколько накопленного опыта, знаний будет отложено в долгий ящик! Покинуть целый мир, еще неведомый никому, где он твердой поступью хозяина протаптывал путь для других; отказаться от радости первому найти новые формулы, выяснить новые зависимости. И ради чего? Ради текущего задания, которое по плечу любому грамотному инженеру?

«Любому? — переспросил он себя. — А ну-ка, признайся честно — любому?»

Все его убедительные доводы рассыпались от этого простенького вопроса, который он задал самому себе: кому же поручить новый объект? В глубине души он знал, что выбор Михаила Ивановича был правилен. Из остальных сотрудников отдела одни были слишком далеки по специальности, другие, вроде Семёна Родина или Агаркова, не имели достаточных навыков в лабораторной практике.

Стоило ему поставить себя на место директора — и он убеждался, что наиболее подходящей кандидатурой был именно он, Николай Корсаков.

«Ну и пусть, — еще с большим упрямством твердил он себе, — пусть будет по-вашему, меня можно заставить выполнить любую работу, но полюбить ее...» — Он вспомнил уверенность Ильичева, и фраза так и осталась незаконченной.

В лаборатории решение директора восприняли по-разному. Песецкий, инженер-механик, недавно демобилизованный из армии и ходивший еще в офицерском кителе, откровенно позавидовал Николаю. Он чувствовал себя в лаборатории не у дел, конструкторской работы не было, и Арсентьев держал его на подсобных заданиях.

— Эх и славная работенка вам досталась! По-моему, без механика здесь не обойтись, — уверял он, потирая сильные ловкие руки.

Лаборантка Люда, изнемогая от любопытства, расспрашивала, какой из себя Ильичев.

Электромеханик Юра, самоуверенный, щеголеватый паренек с длинными косыми бачками, покровительственно заявил, что такой прибор пустяки; тут же начал на пальцах объяснять свою идею, запутался, но, не смущаясь, взялся изготовить его за три дня.

Лина Тимофеевна пристыдила его и первая пыталась утешить Николая.

В каждом, самом маленьком коллективе есть «добрая душа», к ней — общей утешительнице и советчице — каждый несет свои горести и обиды. Такой утешительницей была старший инженер-физик Анна Тимофеевна.

Муж Анны Тимофеевны погиб на войне, оставил ей большую семью, и семейные заботы теперь отнимали у нее много сил и времени. Анна Тимофеевна была хорошим практиком — и только, хотя когда-то на нее возлагали большие надежды. Она знала свой недостаток, но с годами смирилась с ним, сохранив от молодости благоговейное чувство к людям, «одержимым» наукой. «Одержимых» в институте было немало, первым среди них числился Семен Родин.

Николай мог просиживать с Семеном в лаборатории до поздней ночи, забывая про еду, тратить все свободные деньги на книги, мог отказаться от отпуска и в то же время умудрялся не пропускать ни одного матча на первенство Союза и сетовать на то, что ему нехватает времени ходить в бассейн и бегать на лыжах. Семен жил своей наукой. Его страсть к ней была чистая и нераздельная; за обедом он продолжал что-то чертить ножом на скатерти; читая газету, мог набрести на решение какого-нибудь уравнения.

Никто не переживал приказ директора так, как Семен Родин.

Он неистовствовал, он метался по комнатам лаборатории, тряс товарищей за плечи, заглядывал в глаза.

— Хорошо, предположим — прибор важнее, чем наша тема! — кричал он. — Допускаю. Ну, а человек, скажите мне, человек — разве дешевле, чем прибор? Неужели они не понимают, что коверкают человека? Когда все помыслы устремлены на окончание работы, столько замыслов... Эх! — Он отчаянно махал рукой: не доставало слов.

— Вы понимаете, Анна Тимофеевна, это все равно, что разомкнуть электрическую цепь под нагрузкой. А ты хорош, — набрасывался он на Николая, — разве так надо отстаивать свое дело?!

— Сразу видно, Семен Ильич, что вы не служили в армии, — усмехнулся Песецкий. Он недолюбливал сугубо штатские манеры Родина.

— При чем здесь армия? Николай поступил как баран, — кипятился Семен.

Анна Тимофеевна робко пыталась успокоить его: может быть, удастся закончить прибор раньше срока или попробовать вести работу над ним одновременно с их общей работой?

Николай вяло мотал головой. По своему характеру он не умел заниматься двумя делами сразу.

— А диссертация?

Несколько месяцев они лелеяли тайную надежду, что окончание темы даст им превосходный материал для диссертации. Арсентьев поддерживал их замыслы. Для Семена переход Николая на новую работу был катастрофой.

Слушая словно издали срывающийся голос друга, Николай открывал для себя всё новые печальные последствия случившегося. До первого августа — срока сдачи заказа. Семен, даже работая один, закончит их общий труд, и Николай потеряет всякое право использовать его выводы для диссертации. На титульном листе отчета будет напечатано: «В разработке таких-то глав принимал участие инженер Корсаков». Единственное, что ему останется: «принимал участие...» Однако напоминание о диссертации уже не могло ничего прибавить к его горю.

— Ничего, Семчик, ничего, — с невеселой улыбкой сказал он, — что-нибудь придумаем.

Семен махнул рукой и, недослушав, побежал к Арсентьеву.

Леонид Сергеевич, терпеливый как всегда, дал ему выговориться и, разведя руками, заявил, что не может быть ничем полезен. Все, что мог, он сделал, остается одно: подчиниться. Арсентьев дал понять, что считает принятие подобного заказа вредным деячеством, что по его мнению где-то проходит грань между ученым и инженером, и весьма печально, что лучших его учеников отрывают от подлинно научной работы. Больше всего его пугало, чтобы случай с Корсаковым не превратился в систему.

Вести подобные разговоры с Семеном было все равно, что отмахиваться от быка красной тряпкой; Семен выскочил от Арсентьева, остервенело хлопнув дверью, и, на свое счастье, повстречал Полякова.

Главный инженер института Павел Павлович Поляков обладал удивительной способностью улаживать любые конфликты. Иногда это было хорошо, иногда приносило вред, в институте его звали «амортизатором». Причина заключалась не столько во врожденном миролюбии, сколько в нежелании принимать на себя ответственность за решение вопросов. Взяв Семена под руку, он долго прохаживался с ним по коридору. Неизвестно, о чем они говорили, но к директору Семен пошел уже успокоенный и вышел из кабинета тише воды, ниже травы.

Рабочую группу составили: Корсаков, Песецкий, Анна Тимофеевна и Юра. Все они, за исключением Корсакова, продолжали пока заниматься прежними темами. Только Николай, готовясь к предстоящей работе, днями просиживал в технической библиотеке. Все шло как обычно, но положение казалось ему ужасным.

Каждый раз, приступая к какой-нибудь новой теме, он испытывал подобное чувство: все было незнакомо, неясно; он казался себе невеждой, тупицей. Выяснялось, что десятки людей во всех странах уже работали над этими вопросами годами. И безуспешно, или же, наоборот, в литературе не было никаких указаний, и он терялся перед новизной задачи. Постепенно все приходило в ясность, становилось на свои места, он начинал отмечать сомнительные положения в статьях, появлялась уверенность, легкость в обращении с материалом.

На этот раз период освоения затягивался. Николаю мешала инерция его последней темы. Приходилось напрягать все силы, чтобы

перейти от отвлеченной теории в сторону точного расчета, опыта и осязаемой конструкции из осей, магнитов, ламп, проводов...

Шли дни. Отчаяние сменялось надеждой, а потом опять какой-нибудь пустяк отбрасывал его назад. Но, пусть робко, еле-еле, он все-таки шел, а не топтался на месте. Путаясь среди многочисленных вариантов, ощупью, вытянув вперед руки, он шел, и где-то далеко впереди перед ним вдруг забрезжил неверный, зыбкий, просвет. Ох, какой долгой и трудной казалась дорога к нему! За день удавалось добыть лишь ничтожную крупицу нужного, продвинуться на сантиметр. От переутомления у Николая к вечеру начинало неприятно подергиваться левое веко и болела голова.

Однажды его вызвал Арсентьев.

— Кажется, вам повезло, Николай Савельевич, — сказал он бесстрастно, — я обнаружил ссылку на статью Харкера о приборе, предназначенном для регулирования нужных вам величин.

Николай всегда поражался спокойствию этого человека. Хоть бы обрадовался или засмеялся! Его лицо сохраняло постоянную удручающую аккуратность, такую же, как его безукоризненно чистый, до хруста отглаженный костюм.

Он подал Николаю выписанное на карточке название журнала.

— Я справлялся, в нашей библиотеке этого журнала нет, он имеется в Публичной.

Через час Николай сидел в читальном зале Публичной библиотеки. Статья затерялась среди бесконечных крикливых и пестрых реклам. Пальцы вспотели и липли к толстой веленовой бумаге. Статья давала описание регулятора. Тут были фотографии, кривые основных характеристик, схемы, таблицы. Николай читал, подгоняемый глубоко запрятанной тревогой. Неужто ему суждено вот сейчас, здесь увидеть воплощенной свою, пусть еще неясную, смутную, но уже выстраданную идею. Он ревниво схватывал на лету, с намека каждую фразу. Не заметил, когда кончил, и, перевернув страницу, наткнулся на томную волоокую красавицу, изнывающую от звуков радиолы. Он щелкнул ее по носу, довольный, что автор избрал совсем другой путь. Было, конечно, жалко отступить от начатого. Так и не узнать, не увидеть воплощенным свой замысел, но, как говорится, лучше синицу к руки... Тут наверняка можно будет уложиться в срок, даже раньше, и скорее вернуться к своей теме.

Он откинулся на спинку кресла, потянулся, успокоенный принятым решением.

Напротив него сидела девушка. Низко опустив голову и закрыв уши ладонями, она равномерно покачивалась взад и вперед, неслышно шевелила губами. Растрепанные шоколадные волосы свисали на лоб.

«Зубрит», — добродушно усмехнулся Николай. Он осторожно заглянул в ее книжку. «Ого, наш брат электрик, наверное пятый курс». Последнее определение было сделано не столько по книжке, сколько необъяснимым чутьем, которым обладает каждый, кто когда-либо был студентом. Почувствовав, что на нее смотрят, девушка подняла глаза и покраснела, застигнутая врасплох. «А она красивая!» — подумал Николай, словно оцарапанный ее узкими пугливыми зрачками.

— Рекомендуется также класть под подушку конспект лекции, — дружелюбно сказал он, — и попросить подругу обругать перед экзаменом.

Смущение ее тотчас исчезло.

— У меня есть другое средство, — ледяным тоном ответила она.

— Какое?

— Пересесть туда, где мне не мешают.

— Тоже неплохо, — согласился Николай.

Ничто не могло сейчас испортить его добродушного настроения.

— Но вы не трудитесь, я ухожу сам.

Сдав журнал, он обернулся в дверях и поймал ее пристальный, слегка удивленный взгляд. Внизу он позвонил из автомата в институт.

— Сеня, — сказал он, — кажется, все в порядке. Через две недели я разделаюсь с этой бодягой.

Дав Песецкому и Анне Тимофеевне ознакомиться с отпечатанным переводом статьи Харкера, Николай собрал свою бригаду. Пришел Арсентьев, сел в стороне и словом не обмолвился, пока Николай читал ТТЗ — тактико-техническое задание, распределял обязанности, намечал план работы.

Юра любопытствовал — что за машина Ильичева?

По лицам остальных Николай понял, что этот вопрос интересует всех. Он оглянулся на Арсентьева.

— Я не знаю, — сухо ответил Арсентьев, — и не представляю, какое это может иметь значение. Все необходимые сведения даны в

ТТЗ.

Он был неправ, не следовало так отвечать. Его равнодушие заранее окрашивало их будущую работу скукой. Это было все равно, как если бы заставить архитектора проектировать дом и ничего не сказать о том, где, в каком городе:, на какой улице дом этот будет построен и кто в нем будет жить. Арсентьев требовал одного! — скорее закончить работу. Скорее — не для Ильичева, а для того, чтобы вернуться к оставленным темам. Николай не стал возражать.

В конце концов, он, Николай, тоже хотел одного — поскорее развязаться с этим поручением.

Первое затруднение встретила Анна Тимофеевна. Характеристика американских ламп отличалась от отечественных, поправки требовали пересчета. Вслед за Анной Тимофеевной Николай, изучая принципиальную схему, натолкнулся на отсутствие некоторых данных. Вначале он не придавал этому значения, считая, что их удастся легко подобрать опытным путем. Он приступил к сборке электрической части, и вот тогда-то оказалось, что безобидные на первый взгляд пропуски создавали на каждом шагу неразрешимые уравнения.

— Ничего, — сказал Николай приунывшей было Анне Тимофеевне, — не боги горшки обжигают!

Кропотливо подставляя всевозможные варианты, они перебрали каждый узел и определили, одну за другой, величины недостающих элементов. Наконец собрали электрическую схему и стали снимать характеристики. Ни одна из них не соответствовала характеристикам, приведенным в статье Харкера. Можно было подумать, что американцы опубликовали результаты работы одного прибора, а в схеме привели данные от другого, предназначенного для значительно меньших скоростей.

— Будем рассчитывать заново, — ожесточенно заявил Николай.

Только у Песецкого, занимавшегося механической частью, дела шли успешно. Его воодушевляла сложность конструкции, здесь было над чем поработать. Он носился из чертежной в светокопировальную, оттуда в опытные мастерские, на склад, перезванивался с самыми неожиданными учреждениями. Институт жиров, оказывается, подбирал ему специальную смазку, а на заводе «Русские самоцветы» вытачивали какой-то особенной формы агатовый подпятник.

Никто не представлял, каким образом Михаил Иванович умудрялся быть в курсе всех дел, разногласий, неполадок, творившихся в институте, в лабораториях, отделах, мастерских, общежитиях, гараже и бухгалтерии; помнить по имени и отчеству сотни людей — чертежников, лаборантов, механиков, вахтеров, консультантов, счетоводов, знать их достоинства и слабости, вникать в самую суть той или иной «застрявшей темы» и зачастую незаметно подсказывать ее решение. Многие догадывались, что большую роль тут играет Марков, парторг института. Неразговорчивый, всегда внимательный, он невольно притягивал к себе какой-то душевной свежестью, непосредственностью. Отвечать на простой вопрос Маркова: «Как же вы себе представляете, чем это помогает партии?» считалось более тяжелым, чем получить «равное» от Михаила Ивановича.

Очевидно, Марков придавал особое значение новому заказу, потому что не проходило дня, чтобы он не наведывался в лабораторию.

Узнав от Николая, что Арсентьев предложил воспользоваться американским прототипом, Марков со свойственной ему откровенностью высказал свое недовольство. Николая больше всего задевало то, из чего складывалось это недовольство, — чувство оскорбленного достоинства и какое-то брезгливое отвращение.

Николай пытался объяснить Маркову, что для машин с малыми скоростями у нас перешли на гидравлические регуляторы — более простые и надежные. В Америке для того же типа машин остались попрежнему электрические регуляторы. Фирме «Сперфи» невыгодно перестраивать производство: она скупил патенты гидравлических систем и держит их под спудом. Создание машины Ильичева — машины неслыханных доселе скоростей — потребовало электрической системы регулирования. Регулятор, подобный харкеровскому, оказался тут вполне уместным!.

— Вполне? — недоверчиво переспросил Марков.

Николай смутился.

— Если говорить откровенно, то вполне только для данного ТТЗ, именно для этой машины Ильичева; большие скорости вряд ли из него удастся выжать. Да и то приходится перекраивать и перелицовывать его, как старый костюм с чужого плеча. Но Леонид Сергеевич уверяет,

что все же это самый короткий и верный путь, чтобы справиться с заданием к сроку...

Марков слушал внимательно, но хуже всего было то, что с каждой фразой в нем гаснул прежний интерес к новому заказу, к их разговору и к самому Николаю.

— Так-то так, и все же что-то фальшивое, скользкое, не наше таится на этом пути, — сказал он, морщась от трудности выразить словами, от досады на непонятливость Николая. — Не лежит у меня душа... От этого выбора должно быть противно физически — как взять, например, жеваный кусок из чужого рта. Ведь у вас есть свои зубы. Да ведь и скорость, — вопрос о скорости. Прошли те времена, когда для нас слово «догнать» было первоочередным... — Он усмехнулся и задумался.

— Что же вы предлагаете? — прервал его Николай, видимо нервничая.

— Поезжайте на завод к Ильичеву. Проверьте там еще раз среди коллектива свое решение. И главное, Николай Савельевич, не заслоняйтесь от самого себя формальной правотой.

Он досадливо перелистал перевод харкеровской статьи и добавил с обидным разочарованием:

— А я, признаться, надеялся, что ваша работа послужит творческим толчком для кое-кого в институте. Ведь даже я, грешный, завидовал вам, — облечь свои теоретические выкладки в прибор, проверить их, вылезть из кабинета, из института на завод, поставить на машину... Учтите только одно: этот ваш американец вложил в свой прибор столько, сколько ему обещали заплатить за него долларов, и ни на цент больше. Они не знают, что значит наслаждаться творчеством. Сколько мне ни приходилось сталкиваться с их техникой, она оказывалась весьма ограниченной, бьющей на внешний эффект. Мой совет — будьте осторожны, отнеситесь к вашему прототипу по возможности критичнее.

— Честное слово, он прав! — воскликнул Песецкий после ухода Маркова. — В его рассуждениях есть что-то... — Он не договорил и только выразительно прищелкнул пальцами.

— Что-то, что-то! — передразнил Николай. — На машину не приболтишь «что-то».

Песецкий неопределенно улыбнулся и промолчал.

Семен Родин заглядывал к ним по несколько раз в день, жаловался на свое одиночество, огорчался их неудачами и даже пробовал было подсесть к Анне Тимофеевне помочь ей в расчетах, но Николай прогнал его. Всеми своими помыслами Николай был устремлен к их прежней теме. Он не мог позволить Семену тратить время. Он мечтал об одном — поскорее расправиться с проклятым регулятором Харкера и вернуться к Семену. Чтобы не отвлекаться, он даже запретил Семену держать себя в курсе их общих дел.

Приятной неожиданностью для Николая и Анны Тимофеевны явилось досрочное окончание работы над механической частью прибора. Песецкий, в сопровождении Юры, торжественно пригласил их осмотреть множество мелких, незаметных на первый взгляд усовершенствований, внесенных им в американский образец.

— Мистеру Харкеру не снилось, что его колымага может превратиться в фешенебельный лимузин, — хвастливо заявил Юра, обожавший изысканные и редкие слова.

Николай, не желая обижать Песецкого, вместе с Анной Тимофеевной восторгался изящной отделкой механизма. На самом деле его радовало только то, что с механикой кончено и скоро он вернется к Семену.

Он работал безустали. Он, как бегун, набирал скорость перед финишем, готовясь к последнему рывку у ленточки.

Первые же испытания показали, что регулятор отказывал при резких изменениях скорости. Зайчик на матовом экране осциллографа судорожно метался вверх и вниз, и бесполезно было ждать, когда он успокоится. При тяжелых режимах схема обнаруживала какой-то органический порок. Арсентьев предложил проверить кинематику.

Песецкий клятвенно заверял всех в безупречном качестве своего изделия, но Николай заставил его разобрать и опробовать отдельно каждый узел.

Сам он с Анной Тимофеевной снова засел за проверку расчетов. Они оставались до позднего вечера, требуя друг от друга вывода каждой формулы, докапывались до родословной каждого коэффициента, подозревая в неточности машинистку, таблицы, даже арифмометр. Когда в глазах начинало рябить от цифр и знаков, Николай выходил в

полутемный коридор, шагал взад и вперед, клял мистера Харкера и свою судьбу, операционное исчисление и наступающую ночь.

Анна Тимофеевна звонила домой и беспокойно допытывалась у детей: сыты ли они, все ли благополучно.

Поиски, однако, ни к чему не привели. Теряя всякую систему в работе, Николай начал метаться от одного предположения к другому. Самоуверенность Юры исчезла, он перестал балагурить, затих и издали опасливо обходил Люду, не упускавшую случая справиться у него о лимузине.

Однажды, истинно женским чутьем угадав, что Корсаков вот-вот готов опустить руки, Анна Тимофеевна рискнула:

— Николай Савельевич, в схеме чего-то недостает, — мягко сказала она. — Чтобы поднять кривую, надо ввести какой-то добавочный элемент — трансформатор, реле — или увеличить обороты, словом — что-то изменить.

Николай сам давно уже пришел к такому заключению, но прятал его от себя. Он ответил, что в схеме нигде не указано такое приспособление.

— Оно должно быть, — настаивала Анна Тимофеевна.

Тогда он не выдержал.

— Хорошо, мы его введем. А вы подумали, что в этом случае может измениться все! Одно потянется за другим, и все труды наши пойдут насмарку! Прикажете все начинать сызнова?

Анна Тимофеевна сжала виски ладонями.

— Это ужасно, — тихо сказала она, — я не привыкла так работать. Мы сами превратились в арифмометры, в какие-то шаблоны.

Николай осторожно положил ей руку на плечо.

— Вы знаете так же, как и я, что многие приборы мы выпускаем лучше, чем мистеры Харкеры. К несчастью, в этом случае мы пошли по харкеровским следам. Что ж, значит, нужно шагать до конца, и вдвое, втрое быстрее, будь он неладен.

Арсентьев, слишком далекий от практических вопросов, помочь им ничем не мог. Миновал день, другой, неделя, а они топтались на том же месте.

Убедившись, что они уперлись в тупик, Николай решил обратиться к старшему консультанту института, профессору Попову.

Весна в городе начинается с черного цвета. Зима отступает в тень переулков, за решетки садов, выглядывая оттуда ноздреватыми, грязными горами снега, но армия дворников лопатами, скребками, ломами продолжает гнать ее из города, сбрасывает с крыш в каналы, вывозит на пустыри, на окраины, за заставы. Мокрый асфальт блестит, словно начищенный ваксой. Булыжная мостовая, отдохнув за зиму под толстой коркой льда, весело подбрасывает тарахтящие грузовики. Ошалелые от солнца и тепла воробьи лихо скачут между мокрыми, черными ветвями деревьев.

Солнце слепило Николаю глаза. Он расстегнул пальто, размотал шарф, подставляя лицо и шею под первую нежную теплынь. Он шел по Лесному проспекту, завидуя простому и ясному труду дворников, вагоновожатых, милиционеров — всех тех, кто имел возможность первыми встречать весну на пороге города, не терзаясь загадками мистера Харкера и не тоскуя о любимой работе. И так хорошо было на улице, что, приближаясь к дому профессора, он нее замедлял и замедлял шаг, — жаль было расставаться с солнцем.

Дружба Николая с профессором началась еще со студенческой поры. Александр Константинович Попов читал курс лекций по основной специальности; очень скоро он обратил внимание на способности студента Корсакова. За четверть века своей научной работы Александр Константинович подготовил сотни инженеров; многие переписывались и встречались с ним и по сей день, приезжали за советами, защищали диссертации, преподавали на его кафедре и в соседних институтах; у него создалась своя школа, как он называл шутя, — «поповичей». Однако с немногими из них складывались у Александра Константиновича такие дружеские отношения, как с Корсаковым. Коренастый застенчивый крепыш привлекал его неунывающим упорством и дерзкой пытливостью суждений.

Война не прервала их дружбы. С фронта Николай аккуратно писал Александру Константиновичу коротенькие письма, а из Бессарабии отправил ему несколько бутылок вина, коробку табаку и долго мучился — не обидится ли старик?

По возвращении в Ленинград он нашел Александра Константиновича постаревшим: глубокие залысины убегали под самое темя, морщины изъели широкий лоб; лишь фигура его сохраняла прежнюю стройность, особенно заметную и приятную у стариков.

Когда они обнялись, тот же свежий запах одеколона и крепкого трубочного табака исходил от его загорелой кожи.

К желанию Николая работать у Арсентьева Попов отнесся неодобрительно:

— Леонид Сергеевич — любитель занятий весьма отвлеченных, да и почтителен к тому же не по летам.

Александр Константинович предложил поступить в аспирантуру, но Николай отказался. За годы войны он истосковался по работе, почти физически ощущал нетерпеливый зуд в ладонях. Александр Константинович понял его и не стал настаивать.

Дверь отворила Мария Степановна, домашняя работница Попова, строгая чопорная старуха. Когда Николай увиделся с ней после войны, они, стоя в передней, долго жали друг другу руки, и Мария Степановна не удержалась — всхлипнула; однако стоило Николаю направиться в кабинет Александра Константиновича, она остановила его:

— Молодой человек, — с такими ногами? — и, поджав губы, следила за тем, как смущенный Николай, мгновенно опять превратившийся в студента, вернулся и вытер о половичок подошвы. Сегодня он вспомнил об этом, когда было уже поздно.

— Молодой человек, — начала Мария Степановна, и Николай, съезжившись, попятился к половичку.

— Александр Константинович на кухне, — сказала она, удостоверившись, что следов на паркете не будет.

— На кухне?

— Лыжи увязывает, никому не доверяет.

Николай прошел на кухню.

Александр Константинович стоял у плиты в женском переднике и тряпкой смазывал лыжи.

— Здравствуйте, здравствуйте, — сказал он. — Рук не подаю, — грязные. Вы на лыжах ходите?

— После войны ни разу.

— Ну конечно, вы же заняты! Нет, вы серьезно считаете, что у вас нет времени для спорта?

— Нехватает, — неосторожно признался Николай.

Александр Константинович отбросил тряпку и подступил к Николаю вплотную:

— Профессор Осипов, один из крупнейших математиков Союза, — мастер лыжного спорта, превосходный альпинист. Академик Лукин — капитан яхты. Известно вам это? Кандидат технических наук Ботвинник — чемпион мира по шахматам.

— Ну, я думаю, что наоборот: чемпион мира Ботвинник — кандидат технических наук, — попробовал вывернуться Николай.

— Имейте в виду: в следующую зиму вытащу на лыжи. Нехватает времени! Да ваш коэффициент полезного действия пятнадцать-двадцать процентов! Спрессуйте ваш рабочий день и увидите, какие там резервы времени. Ну, ладно, — остановил он сам себя подобревшим голосом, — это тема следующей лекции. Рассказывайте, что у вас слышно.

Он вымыл руки, сбросил передник и пригласил гостя в кабинет. Разговаривать с Александром Константиновичем было удивительно легко. Он обладал трудным умением слушать. По мельчайшим недомолвкам, интонациям он улавливал подлинное отношение собеседника к предмету разговора, следил за ходом его мысли, пытаясь понять причины ее поворотов. Мозг его совершал в это время напряженную работу.

Из скурых слов Корсакова он живо воссоздал весь узел отношений, завязавшихся вокруг прибора, включая Арсентьева, Родина и самого Николая.

Ведя за собою Александра Константиновича по запутанному лабиринту своих исканий, Николай выкладывал перед ним отчеты, графики, иллюстрации из статьи Харкера.

— Между прочим, вы видели машину Ильичева? — спросил Александр Константинович.

— Нет, — сказал Николай и, заметив, как мрачнеет лицо Александра Константиновича, понял, что это было вовсе не «между прочим». Он быстро добавил, в то же время вспоминая свой разговор с Марковым:

— ТТЗ достаточно полное.

(«Поезжайте на завод к Ильичеву, — пронеслось в воспоминании. — Проверьте там еще раз среди коллектива свое решение...»)

Попов буркнул:

— ТТЗ! ТТЗ!. Вылезли-таки уши Арсентьева.

Он хотел было еще что-то добавить, но передумал, закурил трубку, затянулся.

— Садитесь, почитайте какую-нибудь книжку. — Он покопался в стопке книг и сердито подвинул гостю толстый том «Истории русской техники». Николай поудобнее забрался на диван и начал рассеянно перелистывать страницы. Изредка, не оборачиваясь, Александр Константинович задавал вопросы, хрипло посапывал трубкой и бормотал сквозь зубы:

— Ах жулики... Ход конем!.. Заурядная проделка!.. Коммерсанты в науке.

Слова вырывались, как шипящий пар из-под предохранительного клапана.

«Что за муха его укусила?» — мельком подумал Николай, зорко следя за каждым движением широкой спины в полосатой пижаме. «Скажет тоже — уши Арсентьева!» Он чуть не рассмеялся, и опять его охватило тревожное беспокойство: неужели и Александр Константинович не найдет выхода?

Так прошел час. Невеселые думы все больше и больше овладевали им. Он вздрогнул от неожиданности, не заметив, как Александр Константинович подошел к нему; трубка его свирепо дымила.

— А книжечку-то я вам выбрал не случайную, — сказал он, ехидно щуря один глаз. — Десятилетиями, да что десятилетиями — веками, бывало, смотрели в рот таким вот Харкерам, не замечая того, какая сила, какое богатство технической мысли у нас под боком. И сколько такого богатства по этой нашей близорукости уплывало прежде туда, по ту сторону океана, да к нам же и возвращалось с заграничным клеймом!.. Ну, ладно. Допустим, ваш мистер Харкер на этот раз додумался собственным разумом до своего регулятора. Разберемся. Заглянем в суть его мысли, его инженерной мысли.

Тотчас он круто повернулся, подошел к столу, взял лупу, склонился над журналом и раздраженно ткнул пальцем в одну из фотографий в статье Харкера.

— Как вы представляете, что это?

Николай заглянул из-за его плеча, — над контактной системой он различил маленький кубический кожух. На других снимках его не было.

— Убрали! — убежденно заметил Александр Константинович.

— Зачем?

— Эх вы, наивность! А почему результирующие характеристики, приведенные в статье, не отвечают данным схемы? Думаете — описка автора? — Он искоса взглянул на Николая с видом крайнего сожаления. — Интересы фирмы! Вот ось, на которой вертится для них земной шар. Вот самое существо их технического разума. Все продумано, чтобы опутать вас. Статья нужна для рекламы, для патента, и в то же время надо сохранить монополию фирменного секрета. Кожух, где заключен...

— Усилитель контактной системы!

— Очевидно. Так вот это и есть их коронный номер.

— Эге! Значит, все остальное у нас правильно! — победно воскликнул Николай. Морщины на лбу Александра Константиновича язвительно изогнулись.

— Можно подумать, что «все остальное» создали вы сами.

— Не создали, так разгадали, — твердо и весело повторил Николай. Он потряс в воздухе кулаком. — Ну, теперь держитесь, фокусники!

— Ай как страшно! — Смешок Александра Константиновича не обещал ничего приятного. — Разгадали! Догнали! Можно спать спокойно! А что, если за это время они все-таки сообразили что-нибудь новенькое? Мы знаем их слабости, — все верно, все так, но надо же все-таки помнить, в чем они и сильны.

Николай откинулся, как будто на него плеснули студеной водой, но тотчас упрямо пригнул взъерошенную, коротко остриженную голову.

— Ладно, ладно, уже приготовились бодаться, давайте сперва займемся делом. — И Александр Константинович стал набрасывать, одну за другой, возможные схемы усилителя.

До сих пор Николаю приходилось признавать превосходство знаний и опыта старого ученого. Сегодня он склонялся перед его талантом. Изучив материал лучше, чем Александр Константинович, он все же не поспевал следить за непрерывным фейерверком его догадок, доводов, вычислений, комбинаций.

Один за другим пристраивались усилители — механические, электронные, магнитные, пневматические. Едва Николай начинал

постигать преимущества очередного предложения, как Александр Константинович уже безжалостно забраковывал придуманную им систему. Круги быстро сужались и наконец замкнулись вокруг двух схем, выбрать из которых лучшую можно было только опытом. Николай потирал руки от удовольствия и смотрел на своего учителя влюбленными глазами, не замечая, как его поведение огорчает Александра Константиновича.

— Чему вы радуетесь? — спросил профессор. — Учтите, что регулятор Харкера на больших скоростях истощает себя, качество его будет отвратительное.

— Эти скорости нам даны в ТТЗ, — ответил Николай. — Техническому заданию он будет полностью удовлетворять.

Александр Константинович покачал головой.

— Насчет технического — возможно, а вот политическому наверняка не будет.

Николай вздернул брови.

— Насколько я слышал, — продолжал Александр Константинович, — машина Ильичева не имеет себе подобных в мировой технике. Как всякой молодой машине, ей предстоит большое будущее. А вы ставите на нее прибор, который уже в прошлом. Все равно что на электростанции запроектировать керосиновое освещение. Я не узнаю вас, Корсаков. Биться три месяца, чтобы скопировать прошлогодний прибор какого-то Харкера, основанный на обветшалом, перештопанном принципе!

Он поднялся и заходил из угла в угол, сверля кулаками оттопыренные карманы пижамы.

— Никогда ни один настоящий художник не начинал своего творчества с копирования. Копия не может быть талантливее оригинала. Художники изучали картины мастеров и писали свои. Копирование убивает в человеке творца, душит его вдохновение, развращает. Пусть оно будет уделом людей, нищих духом. Творчество — это чертовски сложный сплав из смелости, ответственности перед народом, самолюбия личного и национальной гордости, из способностей, терпения, причем все компоненты строго дозированы.

«Поздно, слишком поздно, — возвращаться нельзя», — упрямо подумал Николай.

— А мне наплевать на средства, — грубо сказал он, — я расцениваю это задание как препятствие, и мне нужно преодолеть его скорее, чтобы вернуться к своей теме. Я сделаю его добросовестно, и никто не может требовать от меня большего.

— Фу какая ересь! — вспыхнул Попов. Даже шея его покраснела. — Я, мой дорогой, работал до революции конструктором в русском отделении фирмы Сименс. Все мои разработки присваивались фирмой, — таковы были условия контракта. И все-таки никогда ни одна работа не казалась мне обязанностью. А вы имеете честь поставить свой регулятор на машину, которая прославит отечество, и говорите о препятствии. Стыд!

Он вдруг представил себе, насколько же он старше и опытнее Корсакова, и, запнувшись об эту мысль, замолчал. Хотелось так же запальчиво кричать, не выбирая выражений, не заботясь о тоне, а надо было сдерживаться и убеждать.

— Для вас регулятор — препятствие, потому что он не ваш, не ваша выдумка, — как можно мягче сказал Александр Константинович.

После ухода Корсакова Александр Константинович постоял некоторое время в передней, задумчиво посапывая потухшей трубкой.

— Никак невозможно, Леонид Сергеевич, — сказал он вслух, словно извиняясь перед Арсентьевым. — Корсаков все-таки мой ученик, и так просто отдать его я не согласен. Да-с, прошу прощения...

Назавтра с утра Николай собрал свою группу и доложил о результатах беседы с профессором Поповым.

— Вам ясно, друзья, в чем была наша ошибка? — закончил он. — Ну, ничего, впредь нам урок!

Фраза прозвучала беспомощно, и у Николая остался от нее словно горький привкус во рту.

Они разбились на две группы, с тем чтобы разрабатывать оба варианта, предложенных Поповым, параллельно.

Николай взял себе Юру, а в помощь Песецкому дал Анну Тимофеевну. Силы получились неравные, но хотелось подзадорить Песецкого, а для себя он нарочно искал трудностей. Отныне свои поступки Николай расценивал как продолжение спора с Поповым.

«По-вашему, Александр Константинович, я выбрал себе наиболее легкий путь? А вы учитываете, что американцы создавали регулятор

годами, в специальных лабораториях, и, наверное, этот усилитель мусолили не месяц и не два. А мы вчетвером, даже вдвоем, осилим его за неделю.

Но кто-то, глубоко внутри, недоверчиво посмеивался: „А помнишь поговорку: Юпитер, ты сердишься — ты неправ? Эх ты, Юпитер!“»

Между обеими группами разгорелось соревнование. У Николая обстоятельства с самого начала сложились удачней, чем у Песецкого. Он сразу получил хорошие результаты. Пожалуй, даже слишком хорошие, ибо до сих пор уверенность к нему приходила после ряда разочарований. На всякий случай он запретил Юре рассказывать кому-либо об их успехах и начал монтаж. Трудности для обеих групп заключались в том, что размеры кожуха были строго ограничены. Песецкий замучил Анну Тимофеевну расчетами, силясь запихать в тесное пространство алюминиевого кубика сложное пневматическое хозяйство.

Проходя мимо их стенда, Юрий с сочувственной миной мурлыкал:

Ой, полным-полна коробочка...

Трудно было представить, чтобы подобная игривость могла ободряюще действовать на Песецкого; он взрывался и выпаливал что-то насчет пустой коробки на Юриных плечах. Впрочем, получалось у него неостроумно и несправедливо, — за последнее время Юра резко изменился. Постоянно возникающие затруднения приводили его в отчаяние, он давал себе слово махнуть на все рукой, не принимать близко к сердцу, но ожесточенное упорство Корсакова увлекло его несмотря на все его противодействие. Как шелуха, слетало с него напускное щегольство. Он стал все чаще появляться на работе в синенькой выцветшей спецовке, дело даже доходило до того, что Николай выговаривал ему за небритые щеки. Однако до поры до времени для Николая эти перемены оставались чисто внешними, пока один случай не заставил его внимательней присмотреться к юноше.

Однажды, когда монтаж усилителя заканчивался, Николай попросил Юру задержаться на вечер. Не терпелось снять на

осциллографе характеристику усилителя. Юра замялся и стал отказываться.

— Что, кавалер, опять свидание? — спросил Николай и, безнадежно кивая головой, выслушал историю очередного увлечения своего помощника.

На следующее утро, придя в лабораторию, он застал Юру осматривающим вчерашние осциллограммы. Увидев его, Юра смешался. Он одернул спецовку и, глотнув воздуха, начал с запинкой:

— Николай Савельевич, я вчера решил изменить свои привычки. Мне теперь все, кроме работы, кажется скучным. Куда это годится: пошли мы вчера гулять, а у меня с ума не идет — какая мощность у вас получилась на выходе. Я стал Зине рассказывать про то, что мы обязательно обгоним Песецкого, а она зевает и тащит меня на танцы. Я пристыдил ее, что нет у нас взаимопонимания, и снова втолковываю, как, помните, вам понадобился моторчик на шесть тысяч оборотов, а такого мотора в институте не оказалось, и я сам сделал особый редуктор. Знаете, что она мне заявила? Что никакой доблести в моей возне нет, другое дело — если бы я что-нибудь свое изобрел, и зря я пыжусь, — ничего, мол, нового технике подобная стряпня не даст, и давно пора ее кончить. Так и выразилась — стряпня! Ну, мы окончательно рассорились.

— В чем же она, по-твоему, не права? — задумчиво спросил Николай.

Юра изумился.

— Почему не права? Она права. Все дело в том, что ей кажется, что это очень просто. Захотел — и придумал, пожалуйста новый регулятор. Я ей говорю, что вы с самого начала бьетесь над ним, да и я сам уже вторую неделю дома мудрю, как бы получше сделать, а она...

— Подожди, — оборвал его Николай, — с чего ты взял, что я бьюсь над новым типом регулятора?

Юра рассмеялся, заговорщицки подмигнул. — Уж я знаю ваш характер, Николай Савельевич, вы не станете чужие зады повторять. Вы только раньше времени звонить не любите.

— Все это чепуха, — покраснев, сердито сказал Николай. — У нас одна задача — сдать приборы к сроку. Понимаешь, выполнить задание в срок! И мы с тобою это сделаем! что бы нам ни твердили!..

В этот день ему с завода звонил Ильичев, приглашал приехать. Николай ответил отказом, сославшись на крайнюю занятость в связи с его заданием.

Так оно и было. В каждом своем слове он был искренен.

Но когда вечером Марков, встретившись с ним, как бы невзначай спросил его, не выбрался ли он еще на завод, — Николай ответил: «Где же там, ведь мы же просто ночей не спим», но в глубине души он чувствовал себя смущенным.

Усилитель не давал нужной мощности, стрелка ваттметра дрожала, словно упираясь в невидимую преграду, и не поднималась больше ни на одно деление:

— Еще, — коротко бросил Николай.

Юра неохотно вывел ручку реостата до отказа. Николай тронул кожух и ощутил неприятную теплоту. Усилитель быстро нагревался. Николай перебирал в уме возможные решения, отыскивая связь между обоими явлениями.

— Николай Савельевич, пахнет, — принюхиваясь, испуганно сказал Юра.

Николай уже сам чувствовал едкий запах горячей изоляции.

— Ничего, профессор, мы ему сейчас выжжем слабое место, — спокойно сказал Николай. Облизывая сухие губы, ждал. Мелькнуло в воспоминании: у Александра Константиновича была манера брать в руки капризничавший прибор и сильно встряхивать его, — либо все становилось на: место и прибор снова начинал работать, либо (и это случалось чаще) — от встряски окончательно отходила какая-нибудь слабо припаянная деталь, выскакивала расшатанная ось.

Из вентиляционных отверстий закурились серые жгуты дыма, треснула вспышка, и предохранители сгорели.

— Очень хорошо, — сказал Николай и, увидев огорченное лицо Юры, рассмеялся. — Не плачьте над трупами павших борцов, отрок. Самый короткий путь — это самый трудный и жестокий. Иди помоги Песецкому, пока я разберусь, в чем дело.

Отыскав очаг перегрузки, он мысленно восстановил ход разрушения. Стесненные размеры кожуха способствовали созданию помех такой силы, что помехи эти съедали мощность усилителя. Внезапно ему пришла мысль — нельзя ли одну, наиболее сильную из

помех использовать самостоятельно, как новый принцип усиления. Он попробовал проверить свою догадку на бумаге, но ничего не выходило. Повсюду он натыкался на алюминиевые стенки кожуха. Он почти физически чувствовал, что задыхается в этом тесном, темном пространстве.

Неторопливо разорвал он рисунок, потом, сложив обрывки, снова разорвал их и так складывал и рвал их до тех пор, пока в руках остались только мелкие клочки. Он взял чистый лист и снова стал чертить усилитель, с удовольствием разрушая жесткие размеры кожуха. Он наслаждался простором, не смущаясь тем, что контактная система Харкера не могла вынести тяжести новой надстройки. Он, урча, грыз кончик карандаша, теребил свою память, чувствуя, что выход где-то рядом.

Нужно было перебрать весь каталог своих знаний, чтобы отыскать его — единственное возможное решение. Оно существовало, и если бы миновали недели, месяцы бесплодных поисков — уверенность его не поколебалась бы.

На другой день, сидя с Песецким в столовой, он вдруг посреди обеда отодвинул тарелку и невидящими глазами уставился на Песецкого.

— Что с вами, Николай Савельевич? — встревоженно спросил Песецкий.

Ничего, сказал Николай. Он вскочил и побежал наверх, к себе.

Ему вспомнилась его первая заброшенная идея, смутно возникавшая в то время, когда он еще не знал про статью Харкера и искал решения.

Где сказано, что усилитель должен сидеть на оси? Убрать его оттуда! Связать с контактами электрической связью, сбросить непосильный груз усилителя и освободить ось от громоздких подшипников, поставить ее тоньше, легче. Вот так. Прекрасно. А контакты сделать более мощными для того, чтобы использовать возможности усилителя.

Но тогда опять увеличится нагрузка на ось. А если убрать и контакты? Заменить их вспомогательными... Нет, не то, это какой-то компромисс...

Словно ухватив конец запутанного клубка, он потянул нить, и ход создания нового регулятора стал разворачиваться с неумолимой

последовательностью. Новое место для усилителя влекло за собою другую кинематику, та в свою очередь обесценивала старые контакты.

А может быть, вообще отказаться от каких-либо контактов?

Осторожно, чуть ли не на цыпочках, боясь нарушить связь рассуждений, он подошел к харкеровскому регулятору. Впервые он видел его со стороны, отрешенно. Зализанное совершенство безвозвратно рушилось у него на глазах.

Итак, принять бесконтактную систему? Перебирая регуляторы известных фирм, он не находил ее и в то же время твердо знал, что она существовала, и не в виде принципа, а практически освоенной системой. У него преобладала зрительная память — сквозь пелену времени перед ним возникла сперва фотография, потом бумага, шрифт. Статья была написана на русском языке! Серая обложка. Журнал Всесоюзного электротехнического института. Незаслуженно забытое изобретение двух советских ученых... Бесконтактная система создавала ту естественную красивую простоту, которая вернее всяких расчетов подтверждает правильный выбор.

По какому же, в самом деле, убогому пути шел тот, за океаном! Богатство мысли, нашей родной технической мысли, о которой недавно с таким восторгом говорил ему его учитель Александр Константинович, — да вот где оно, рядом с ним! И, к счастью, на этот раз не выкраденное ничьими загребущими руками.

Он добрался уже до самой сердцевины харкеровского регулятора и остановился в нерешительности. Привыкнув за последний месяц катиться по укатанному пути чужой мысли, он боялся внезапно очутиться без дороги, без этих аккуратно расставленных указателей, полагаясь целиком на свое чутье и силы. Он все еще цеплялся за старую схему, хотя она ему мешала, сковывала каждое его движение.

Он вспомнил Юрин «лимузин». Действительно, создавалось впечатление, как будто он заменял на старой разболтанной телеге часть за частью; сперва поставил электрофары, потом насадил на колеса шины, поставил руль, надел кузов, оставалось отпрячь лошадей и вставить мотор.

И с той очевидной неизбежностью, с какой ничто другое, кроме мотора, не годилось отныне для движения кузова, определился новый принцип действия регулятора. Вернее, это был не новый, а его прежний принцип. Незлечимые пороки харкеровского прибора все

настойчивее толкали Николая к единственному выходу — вернуться к своему первоначальному замыслу.

Он решил это, и теперь уже ничто не могло его остановить. Он углублялся в новую схему, расправляясь со всеми ловушками на своем пути; упрощал ее, проводил мысленно через самые тяжелые; испытания, вооружал ее, приспособлявая к будущим невзгодам, и хотя она жила еще только на бумаге, у нее уже начинал складываться свой характер, капризы, требования.

— Послушайте, Николай Савельевич, — сказал Арсентьев, ознакомься с его разработкой, — к чему вы тратите время, измышляя вариации на ту же тему? Дожать регулятор Харкера — дело двух-трех недель. ТТЗ он вполне удовлетворяет, к чему же нам раздваиваться и рисковать, тем более что ваш вариант имеет много сомнительных мест?

Николай подался вперед:

— Например?

Арсентьев пожал плечами.

— Я даже не вижу смысла разбирать их, — сказал он, видимо скучая. — Трудно подыскать какое-либо оправдание попытке всерьез ставить вопрос о переходе на вашу схему. Она позволяет регулировать на больших скоростях, но их не существует. Жизнь не требует такого регулятора. — Он сочувственно помолчал и сказал с невыносимым жалостливым утешением: — Впрочем, вы не огорчайтесь, кое-что отсюда можно использовать. — Он несколько оживился, перелистал тетрадку. — Вот, пожалуйста, вашу идею обратной связи — для построения круговых диаграмм.

— И это все?! — глухо спросил Николай. Арсентьев терпеливо привел еще несколько вполне разумных доводов и окончательно переломил надежды Николая, как палку о колено. Считая инцидент исчерпанным, он опять вернулся к круговым диаграммам. Николай слушал его с испуганным удивлением. Неужели в его приборе, среди множества дерзких горячих замыслов, не нашлось ничего достойного внимания, кроме материала для безжизненной, выхолощенной диаграммы? Нет, нет, не может быть! Но ведь это утверждает профессор Арсентьев, чье имя пользуется известностью далеко за пределами института.

Они сидели в кабинете Арсентьева. На верхней полке шкафа аккуратной шеренгой жались книги, оттиски журнальных статей. Николай хорошо знал их. Это были труды Леонида Сергеевича. Ниже стояли учебники, справочники, каталоги, и повсюду авторы ссылались на Арсентьева, приводили его формулы, пользовались его коэффициентами. Он по праву считался одним из создателей теории автоматического регулирования. Николай и Семен гордились своим руководителем, верили каждому его слову, незаметно для себя подражали его вежливым, холодным манерам (что, впрочем, не удавалось никому из них).

Какое же право имел Николай Корсаков, молодой инженер, сомневаться в справедливости его слов?

Он принудил себя слушать Арсентьева, но с первой же фразы мысли снова закружились, свернули в сторону.

«К вопросу о влиянии того-то и того-то на построение круговых диаграмм». А зачем нужны эти круговые диаграммы? Ведь мы ими никогда не пользуемся. Вот их, действительно, жизнь не требует. «К вопросу о влиянии...» — усмехнулся Николай, — голая, мертвая теория. «Да ведь Арсентьев просто кабинетный книжник», — неожиданно для себя подумал он. Подумал и спохватился. Так ли это? Но мысль была не случайной, она уже неслась, обрастая прошлыми сомнениями, выворачивая из недр памяти забытые наблюдения. Арсентьев не любил и не умел заниматься экспериментом. Опытное доказательство не имело в его глазах никакой цены. С начала своей работы на объекте Николай особенно, остро ощущал этот недостаток начальника отдела. Арсентьев с пренебрежением отзывался о заграничных теоретиках и в то же время безропотно принимал на веру трескучую рекламу фирменных приборов. Непростительной, смешной стороной оборачивалась перед Николаем Корсаковым почтительная робость, с которой этот крупный ученый относился к американским инженерам. Раньше Николай считал, что Арсентьев презирает, с неохотой снисходит до порученного его отделу объекта. Теперь ему ясно, — Арсентьев боялся этой работы. Боялся потому, что она привела за собою жизнь. И стоило ему столкнуться с ее горячим, трепетным пульсом — он спасовал. Пусть пока чутьем, но Николай твердо знал, что Арсентьев не прав. И это поддерживало его. Ничего, что сейчас ему не найти веских возражений, зато и Арсентьеву его не

убедить. Пройдет время, и нынешняя разумность доводов Арсентьева утратит свой смысл, как оставленный позади верстовой столб...

— Я вижу, вам тяжело расставаться с вашим замыслом, — сказал Арсентьев.

Николай поднялся, взял со стола свою тетрадку.

— Тяжело, — сказал он, — настолько тяжело, что я с ним не расстанусь. Я буду ждать, Леонид Сергеевич. Жизнь должна оправдать его.

— Ну что же, буду рад, — сказал Арсентьев, — а пока что... — Вежливо улыбаясь, он развел руками.

При нагрузке ось ротора получала значительное смещение. Подшипники крошились, летели, горела смазка. Чтобы создать для них нормальные условия, нужно было срочно выяснить характер перемещения оси. Юра, не задумываясь, приладил к торцу оси конец длинной стрелки, полагая по отклонению другого конца наблюдать движение оси. Однако, к его удивлению, громадная скорость вращения ротора истерла металл стрелки в месте соприкосновения с осью за несколько минут, спутав все показания. Песецкий, не придавая этому особенного значения, посмеялся над Юрой и установил стрелку из более твердой стали. Повторилась та же история. Он снова сменил стрелку — и опять безрезультатно. Тогда он приварил к стрелке победитовую пластинку, но даже и победит — самый твердый из известных ему сплавов — вел себя на таких скоростях не лучше сливочного масла. Ось стачивала победит быстрее, чем они успевали закончить первый цикл измерений. Песецкий пошел на хитрость — насадил на торец оси колпачок из мягкого металла. Единственное, что ему удалось, — несколько увеличить время истирания стрелки. Пустяковая на первый взгляд задержка вырастала в серьезную проблему.

— Придется подобрать такое сочетание двух металлов, которые бы одинаково истирались, — решил Песецкий. — Дьявольски нудная работа.

— Ничего, при вашем сочетании характеров можно подобрать все что угодно, — приободрила Анна Тимофеевна.

Песецкий потребовал разъяснений. Они иногда устраивали пятиминутную разрядку, «мозговой душ».

— Пожалуйста. — Анна Тимофеевна улыбнулась. — Упорство и злость Николая Савельевича, плюс энтузиазм и самоуверенность Юры, плюс ваша конструкторская изворотливость и самолюбие, Песецкий.

— Позвольте, — серьезно спросил Николай, — какую злость вы мне приписываете?

Анна Тимофеевна смутилась, замахала руками, и Николай понял, что вопрос ей неприятен. Его задело то, что Юра и Песецкий словно поддерживали ее своим молчанием. Может быть, под злостью они понимают его нетерпение, его требовательность?

— Нет, совсем не то, — вдруг храбро заявила Анна Тимофеевна. — Не считайте нас слепыми, Николай Савельевич, мы прекрасно видим, что если раньше Харкер был для вас выходом из положения, то теперь он вам мешает.

Николай почувствовал себя застигнутым врасплох. Похлопал себя по карманам, достал спички, закурил, чтобы как-то выиграть время. Рассказать? А потом? Разве он, руководитель, имел право в момент самых напряженных исканий охаивать то, над чем они бились, разочаровывать их, уводить в сторону? Его прибор еще не обрел права на жизнь, и если от этого больно на душе, то пусть только у него одного, тем более что он сам виноват в этом, — он выбрал неверный путь. И, вероятно, впервые в жизни, избегая требовательного взгляда своих друзей, он побоялся сказать правду.

— У меня такое впечатление, Песецкий, что вы стучитесь лбом о стенку, — неуклюже перевел он разговор. — Вот теперь хотите потратить неделю на подбор двух металлов, а помните, на фронте? В лоб противника не взять, не выходит, — идем в обход.

Песецкий проворчал:

— Тут от этой проклятой оси никуда не уйдешь.

Все же замечание Корсакова заставило его призадуматься. Он безуспешно испробовал оптический метод, потом стал в месте соприкосновения оси и стрелки менять их формы: иглу соприкосать с плоскостью, шар с шаром, шар с плоскостью.

— Ничего не выходит, — жаловался он, — не подобрать удачной пары, поедом едят друг дружку!

— Говорят, браки заключаются на небесах, — подтрунила Анна Тимофеевна.

— Я холостяк, — скорбно вздохнул Песецкий. — Закоренелый холостяк. В быту я тоже не могу подобрать себе подходящую пару.

Разговор на том бы и закончился, однако вмешалась Люда, восхищенная возможностью поболтать о таком волнующем предмете.

— Счастливые браки... Как же они получаются, Анна Тимофеевна?

Анна Тимофеевна почему-то порывисто пригладила волосы, покраснелась и ответила с непонятной для мужчин горячностью:

— Во всяком случае не при помощи такой механической подгонки, какой занимается Песецкий. Связь между двумя людьми должна, мне кажется, быть прежде всего духовной, ну, как мы говорим, — индуктивной.

— Какой? — переспросил со своего места Николай.

— Духовной.

— Нет, а потом какое слово?

— Индуктивной, — повторила Анна Тимофеевна, и все недоуменно посмотрели в сторону Николая. Глаза его сверкали такой озорной радостью, что все, еще не зная чему, тоже заулыбались.

— Неужели вы не поняли, Песецкий? Ай-яй-яй! Не доходит? — Николай позволил себе какую-то долю минуты насладиться общим любопытством. — Связь между осью и стрелкой надо сделать буквально индуктивной, — весело сказал он. — На ось надеть диск и пропустить его через магнитные полюса. При вращении диска магнитный поток будет меняться с зависимостью от смещения оси.

К вечеру они, яростно подгоняя друг друга, закончили и испытали новое устройство. Оно действовало безукоризненно. Анну Тимофеевну утвердили в авторстве и, взявшись за руки, сплясали вокруг нее «танец взаимоиндукции».

Николай, оставив товарищей веселиться, вернулся к своему столу, раскрыл папку, где хранились расчеты его регулятора. Он чувствовал себя виноватым. Сегодня еще раз он помог харкеровской модели. Работая над ней, он непрестанно ревновал себя к своему детищу. Он отдавал лучшие свои мысли противнику, и недостойному противнику, потому что теперь возможность сравнения открывала ему незамеченные доселе дефекты американского образца.

Песецкий позвал его посмотреть результаты замеров.

— Сейчас, — сказал Николай, с досадой захлопнул папку и тотчас опомнился: да какое ж он имел право сердиться? Ведь обдумывая свой прибор, он совершал преступление перед государством — тратил исподтишка время и силы, предназначенные для другого...

Он выдвинул ящик в столе с твердым намерением подальше запрятать свою папку и не возвращаться к ней. Среди вороха старых бумаг ему попался тот злополучный номер американского журнала. Рассеянно перелистывая, увидел слева у заголовка статьи незамеченный раньше портрет мистера Харкера.

Сквозь прямоугольные, без оправы, очки приветливо-рекламной улыбкой глядел молодой человек; бахрома волос вокруг преждевременной лысины делала его голову похожей на абажур; крупную, увесистую челюсть подпирал умело завязанный галстук.

Что ж, мистер В. Харкер имел право улыбаться! Он смеялся над Николаем, над его позорной слабостью, над тем, что Николай потерял столько времени, сил в борьбе с никчемными загадками, вместо того чтобы итти своим путем. Не послушался бы Николай с самого начала Арсентьева — его собственный, родной прибор был-бы уже, наверное, готов.

С этого дня приторная, самодовольная улыбка мистера Харкера все время стояла у Николая перед глазами. Досада росла и росла в нем, глухие неосознанные раскаты ее переносились недружелюбием на Арсентьева, даже на Песецкого, на Анну Тимофеевну — на всех, кто трудился над американским прибором.

Чувствуя, что дальше так продолжаться не может, Николай заставил себя сосредоточить все внимание на доработке усилителя. Пытался вернуть утраченное настроение надеждой на скорый конец, на продолжение работы вместе с Родиным, — все было безуспешно: он мрачнел с каждым днем.

Зайдя к Семену и просматривая его последние записи, он поймал себя на мысли о том, что если бы ему дали право выбора, он предпочел бы сейчас бросить даже их общий труд и заняться своим задуманным прибором. Он завидовал Семену — завидовал тому, что тот занимается заветным делом, завидовал его увлечению, азарту, и ему было стыдно за себя, словно он вдруг остановился, потеряв силы, желание итти дальше, а все кругом двигались вперед, и расстояние между ним и товарищами с каждым днем увеличивалось. У Семена наступила

сейчас самая горячая пора, и, возможно, поэтому он не замечал того, что происходило с его другом. Николай был рад этому. Он вообще был сейчас рад всякому случаю, избавлявшему его от лишних встреч и разговоров. Работа над регулятором Харкера опостылела ему окончательно. Даже в тот день, когда Песецкий, сияя от счастья, объявил, что усилитель действует, Николай не ощутил никакой радости или даже зависти к тому, что его обогнали. Он стоял позади всех, глядя на шкалу ваттметра, на потрескивающие искры контактов, и думал, что вот теперь конец работы близок. «А дальше?» — спросил он себя и, посмотрев на гладко выбритый белый затылок Арсентьева, закусил губу.

Предстояло изготовление рабочего образца. Жадный до работы Песецкий постепенно припирали к своим рукам все руководство. Как-то само собой получилось, что и Анна Тимофеевна, и Люда, и все остальные сотрудники все чаще обращались с вопросами к Песецкому, и Николай с облегчением убеждался, что заказы в литейной проталкивались без его участия, и кто-то оформлял наряды для планового отдела и одалживал недостающие приборы соседей. Только Юра, как верный оруженосец, не мог свыкнуться с тем, что произошло. Он один упрямо продолжал признавать в Корсакове руководителя группы.

Николая тяготила и смущала эта молчаливая преданность. Чтобы отстраниться от суеты организационных дел, он взял на себя составление пояснительной записки. Но и сюда, в тихую заводь таблиц и примечаний, вторглась жизнь. В одном из последних номеров американского журнала Николай прочел, что регуляторы мистера Харкера заняли первое место на промышленной выставке в Нью-Йорке, и тут же был изображен мистер Харкер, получающий золотую медаль.

Арсентьев сам пришел в лабораторию и, плохо скрывая свое торжество, положил перед Николаем журнал с обведенной красным карандашом заметкой.

— Удостоверьтесь, что наш выбор был правилен. Золотая медаль! Обязательно включите сообщение об этом в вводную часть записки.

Подобное поведение никак не вязалось с привычно высокомерным равнодушием Арсентьева к их заданию.

«Ага, беспокоишься!» — подумал Николай.

— А знаете, Леонид Сергеевич, я, пожалуй, тоже доволен, что мистер Харкер получил золотую медаль. — Насмешка пробивалась в его словах. — Это наверняка означает, что лучшего они еще не придумали.

Иногда Николай ловил себя на том, что с нетерпением ожидает вечернего звонка об окончании работы.

Первое время, приходя домой, он по привычке тянулся к книгам. Потом бросил. Неотложных вопросов не было, а просто читать не хотелось.

Темнеть начинало поздно, и Николай до глубокой ночи бродил по душным улицам. Ему казалось, что день не кончился, что надо еще что-то делать, а делать было нечего, и возвращаться в свою такую же душную, тесную комнату не хотелось. Он никак не мог понять, что с ним случилось. Почему сейчас, чувствуя себя как никогда здоровым, полным сил и энергии, он был обречен на безделье, почему работа залилась у него из рук и он искал любого предлога, чтобы чем-то заполнить свое время?

Он записался в яхт-клуб. В автобусе по дороге к Островам он обнаружил, что в городе наступило лето.

Из подворотен взметались водяные дуги брандспойтов, лениво плыл по ветру пух цветущих лип, по стенам домов, покачиваясь, ползли люльки маляров и на черных земляных клумбах проступили задуманные садовниками узоры.

Команда яхты состояла из сотрудников института — людей, страстно влюбленных в море. Николай с азартом погрузился в веселые хлопоты оснастки, и на него быстро перестали смотреть как на пассажира. Он носился по судну, перепачканный свежей краской, и заправски ругал новые жесткие шкоты.

Через несколько выходов он освоился со ложной непривычной терминологией: бон, гик, бакштаг, стаксель. Поглядывая на «колдун» — ниточку, указывающую направление ветра, он учился рулить, выводя яхту в залив. Едва заметная желтая муть обозначала коварные мели, мимо которых скользила яхта на широкую гладь залива.

Ветер стих. Тяжелый тугой парус обмяк, бессильно захлопал полотнищем. Началась лавировка. Сменив усталых товарищей, Николай присел к борту и под команду рулевого тянул непослушные мокрые шкоты. Пришла его очередь отдыхать, он спустился в каюту,

лег на койку. В иллюминаторах, сквозь дымно-лиловые сумерки, пробежали рощицы, затянутые прозрачной молодой зеленью, пустынные песчаные отмели, замытые до седины стапеля.

Непонятная, бездумная грусть овладела им. Он закрыл глаза и незаметно для себя стал обдумывать «обратную связь» своего регулятора. Сколько он ни твердил себе, что бессмысленно тратить время на прибор, преимущества которого превышают требования технического задания, тайком от себя он продолжал жить только им. Независимо от его воли, от его желаний, плод его раздумий рос, формировался, и все чаще он ощущал его требовательные толчки — выйти на свет, на лабораторный стол, задвигаться в зеркальных шкалах приборов, загореться малиновыми нитями накала в лампах.

Его позвали наверх. Принимая обитый медью полированный руль, прислушиваясь к журчанию зеленой волны за кормой, он понял, насколько непрочны и мимолетны были эти радости по сравнению с тем, от чего он отказывался.

Яхта причалила к Парку культуры. Николай присел отдохнуть на скамье. Духовой оркестр играл вальс. Легким морским прибоем шумел асфальт под ногами танцующих. В скользящих цветных лучах прожекторов лица выглядели мечтательными и серьезными. И среди них вдруг удивительно знакомые черные зрачки царапнули его любопытным взглядом и скрылись в толпе. Пары двигались по кругу, и он нетерпеливо ждал оборота этой веселой карусели.

Странная встреча! Теперь казалось, что именно ее, свою забытую соседку по Публичной библиотеке, ему давно хотелось разыскать. Когда она появилась на другом конце площадки, музыка смолкла. Он поднялся, подошел на расстояние нескольких шагов. Она стояла с высоким белокурым молодым человеком, рассеянно оглядывая гуляющих.

Заиграли вновь, он не разобрал — что, однако шагнул и, наклонив голову, уставясь на красные, с толстой каучуковой подошвой туфли молодого человека, сказал:

— Разрешите пригласить вашу спутницу?

— Нет, — поспешно ответила девушка, — извините, я устала.

Николай круто повернулся и, щурясь от прожекторов, зашагал в глубь парка. Вечер смысл краски, оставив на земле неуловимые оттенки

дневной пестроты. На темной глянцевитой траве лежали плотные тени черных деревьев. Листва шумела над самой головой.

«А с каких это пор, друг любезный, ты так быстро сдаешься?»

Он прислушался — трубы, вздыхая, вытягивали последние такты. Чуть ли не бегом он вернулся назад и, когда дирижер лихо выкрикнул «вальс-финал», отыскал ее и спросил, теперь уже: в упор глядя ей в лицо:

— Надеюсь, вы отдохнули?

Девушка, неприязненно сморщив переносицу, несколько секунд удивленно разглядывала Николая. У молодого человека задрожал в уголках губ приготовленный смешок. Неожиданно она расхохоталась и сразу же дружелюбно подала руку. Николай сунул сверток с полотенцем и плавками ошеломленному молодому человеку и вступил в поток танцующих.

— Вы благополучно сдали тогда экзамен? — спросил он, не зная, с чего начать разговор.

— Вы здорово упрямы, — одобрительно сказала она, не отвечая на его вопрос.

Он нахмурился и сбился с ритма. Потом, когда он спросил, как ее зовут, она назвала себя: Тамара Белова.

После танцев Николай вместе с Олегом — так звали белокурого молодого человека — провожали Тамару домой. Беседа их легко перескакивала с предмета на предмет. Между ними быстро установилось нечто вроде соперничества, они соревновались перед Тамарой в остроумии, в знаниях тем упорнее, чем скорее они убеждались в равноценности сил друг друга. Они искали спора и пришли к нему. Началось с того, что Олег рассказал анекдот:

— Что такое: «Он сидит, она стоит, они идут?» Не знаете? «Он» — научный работник, «она» — его научная работа, «они» — деньги.

Девушка рассмеялась. Николай почувствовал себя слегка уязвленным.

— Это не всегда так. Настоящим людям науки свойственно как раз обратное: полное пренебрежение какой бы то ни было личной выгодой.

— Вы правы, — добродушно сказал Олег. — Вот это-то меня и отпугивает от науки. Наука требует жертв. Если хочешь добиться ощутимых результатов, то заранее откажись от всех удовольствий

жизни, уйди в монастырь. У нас на производстве за свои восемь часов должен сделать не «что-то», а определенное количество работы, иначе завтра нарушится весь процесс. Выполнил план — совесть твоя спокойна, перевыполнил — почет тебе и уважение.

— То, о чем вы говорите, это не недостаток науки, а ее преимущество.

— Для энтузиастов? Согласен. И то иногда их можно пожалеть. У меня есть дядя, известный профессор, доктор технических наук. Недавно он говорит: «Мне, Олег, уже шестьдесят лет, а я так и не успел повлюбляться, погулять, попутешествовать, с молодости и по сегодня верчусь в одном кругу — лаборатория, кафедра, книги. Творческий путь прошел большой, а личный — нечего вспомнить. И знаешь — за какой-нибудь весенний вечер в двадцать лет отдал бы все свое нынешнее положение, и доктора, и труды, и кафедру».

— А вы таких фаустовских переживаний не хотите? — усмехнулся Николай.

— Да, не хочу. Я отработал свои восемь часов, а потом хочу отдыхать в свое удовольствие. Для кого пишутся, по-вашему, стихи, музыка? Для кого разбили этот парк? Чорт возьми, ведь мы с вами воевали за такую жизнь, за право пользоваться всем этим!

— Нет, нет. Тут существует какая-то граница. Знаете, как за общим столом. Есть какая-то скромность. Нельзя брать все, что предлагают. Впрочем, главное не в этом. У вашего дяди была минута лирической слабости. У каждого бывают такие минуты. Все же, если бы ему вернуть двадцать лет, он снова бы ушел в науку без оглядки. Я на фронте убедился, что до войны мы жили слишком беззаботно. И наше поколение победителей не имеет права отныне на такую беззаботность. Мы сейчас в расцвете своих сил, и жалко их расходовать на удовольствия для себя. Вот покойный академик Крылов, когда ему хотелось отдохнуть и поразвлечься, написал труд «Об определении орбит комет и планет», а в другой раз «О некоторых дифференциальных уравнениях, имеющих применение в технике». Вы представляете себе, какова возможность человеческого ума — отдыхать за дифференциальными уравнениями!

— Вы тоже решили отдохнуть... за танцами! — со смехом прервал его Олег.

Николай понял, что попал впросак. Он говорил о себе, каким он был две недели тому назад и каким хотел стать снова. За кого могла принять его Тамара? За рисующегося болтуна. Ее кисть лежала на его ладони. Сквозь прохладную кожу он чувствовал, как выстукивал ее пульс. «Ну что же ты молчишь, ну что же?» Так и не дождавшись его ответа, Тамара сама пришла на выручку:

— Какой вы придира, Олег. Дайте мне повоображать, что Корсаков нарушил свои правила из-за меня.

Николай стал искать встреч с Тамарой. Что влекло его к этой немного взбалмошной, красивой девушке? Может быть, стремление как-то заполнить непривычную душевную пустоту, укрыться от сомнений и раздумий?

Слишком поздно он поймет тщетность своих попыток и когда-нибудь, оглянувшись назад, убедится, что настоящая любовь приходит к тому, кто избирает себе самую беспокойную, трудную, страстную жизнь.

Они оба любили далекие прогулки по набережной Невы, любили добираться до самой гавани, где начинается портовый Ленинград: заваленные бочками, канатами, тюками берега; ажурные стрелы кранов, поскрипывающие сходни; высокие борта пароходов, пахнущие водорослями и смолой; черные бушлаты, якоря, цепи — необычный, незнакомый город, где вспоминались Петр, адмирал Макаров, дальние морские путешествия. Когда в сумерках зажигались фонари, золотые столбы света, взлохмаченные рябью, протягивались в черной воде, подпирая гранитные парапеты набережной.

Рука об руку они бродили до поздней ночи, потрясенные новой, невиданной ими доселе красотой их города.

Тамара была выдумщица, фантазерка и задира. Она не пропускала мимо ни одного мальчишки, чтобы не задеть его или не огорошить каким-нибудь вопросом.

— Ты зачем дерешься с моим братом? — строго спрашивала она, становясь между двумя «сражающимися сторонами». Стороны испуганно смотрели друг на друга, потом на нее. Оставив их разбираться в родственных отношениях, она брала Николая под руку и важно удалялась.

Сидя где-нибудь на скамейке, закинув руки за голову, она представляла себе, как после защиты диплома поедет на завод. Пусть даже мастером, — так лучше для начала. В высоком светлом цехе выстроились сотни станков. Она обнаруживает, что в цехе отсутствует элементарная автоматизация. Где все то, что им рассказывали на лекциях: приборы автоматического контроля, кнопочное управление?.. Тогда она собирает комсомольцев своего участка, и они договариваются полностью автоматизировать его своими силами.

Она придумывала себе воображаемых противников, нагромождала ворох трудностей и несчастий, — ей обязательно нужны были подвиги.

Николай возвращался домой пешком, ночными безлюдными улицами. Можно было, не возбуждая ничьего любопытства, счастливо смеяться, дурачиться и читать полным голосом стихи:

Земных принимает, земное лоно.
К конечной мы возвращаемся цели.
Так я к тебе тянусь неуклонно,
еле расстались, развиделись еле.

Существовали две недоговоренности: Тамара избегала расспросов об Олеге, а Николай о своей работе. То, о чем они умалчивали, имело больше значения, чем то, о чем они говорили. До поры до времени ему везло, удавалось сворачивать разговор в сторону, и они начинали спорить о причинах слабости ленинградских футболистов или о проблемах управления самолетами по радио. Но постепенно ему становилось все труднее уклоняться от ее настойчивого любопытства.

Она заметила его уловки; и это навело ее на грустные размышления. Тамара вспомнила, что за все время их знакомства он ни разу не поделился с ней своими институтскими делами, удачами или неприятностями, что у него много свободного времени. Подозрение любит подтасовывать факты. Первоначальный образ Николая, чуть неуклюжего, упорного, сосредоточенного парня, тускнел, заменялся легкомысленным любителем развлечений.

В их последнюю встречу она, взволнованная и гордая, сообщила, что ее назначили на преддипломную практику на завод к Ильичеву.

Его неприятно покорило такое совпадение. Несмотря на все его старания, она все же вступила в круг его злоключений. С нарочитым равнодушием он заметил:

— Ну, что же, завод как завод, ничем не интереснее остальных.

Девушка возмутилась.

— Я не представляю себе, интересуется ли вас что-нибудь кроме плавания. Можно подумать, что после спора с Олегом вы прониклись его мировоззрением.

— Ну, теперь меня некому выручать, — грустно пошутил он.

— Скажите, Николай, нас интересует ваша работа? — в упор спросила она.

Николай замолчал, как бы предлагая оставить разговор неоконченным.

Чем он мог оправдаться перед Тамарой? Он сам не знал, где кроется ошибочность его поведения, в чем он не прав. Что-то знакомое было в его чувстве незащитности перед лицом этой девушки. Он вспомнил: еще и еще раз ему звонил Ильичев, приглашал приехать на завод, посмотреть машину; Николай вновь отказывался, ссылаясь на занятость, а на самом деле теперь он просто боялся, что Ильичев заметит его равнодушие. До сих пор его жизнь двигалась по простым законам хорошего и плохого, нужного и вредного. Еще не попадал он в такую сложную путаницу событий, когда, осуждая свои поступки, он продолжал совершать их.

Тамара требовала ответа, а он все молчал, словно онемев, и сам видел, что окончательно губит себя в ее глазах. Ему было страшно лишиться ее в такое тяжелое для себя время. Даже мысленно он не произнес еще слово «любовь», но уже где-то далеко, глубокими, затаенными ходами это чувство начинало прокладывать себе путь к сердцу. С каждой минутой молчания он все больше терял ее. Она уходила от него, он искал слов, чтобы задержать, остановить, и не находил.

Они дошли до парадной ее дома и молча распрощались. Она решительно толкнула дверь, обернулась, в ее глазах блеснули слезы.

— Я люблю людей, которые борются, а вы? Единственное, с чем вы боретесь, — это со своим желанием бороться... Олег лучше вас, он хоть честно говорит то, что думает!

Шофер признавал только четвертую скорость, изредка он снисходил до третьей и явно скучал при этом. Николай непроизвольно сжимался, когда дорогу перебежали прохожие. На шоссе за городом обстановка еще более осложнилась. Маленькая машина проскакивала с вызывающим ревом под самым носом несущихся навстречу тяжело груженных высоких «зисов».

— Лихач вы! — крикнул Николай шоферу.

— Был я когда-то тихоней, — обиженно сказал шофер, — да Ильичев выдрессировал. Такие скорости, говорит, оставь для извозчиков. Вы бы видели, как он сам машину ведет!

Николай был бы непрочь, чтобы шофер вел машину как извозчик медленно — так медленно, чтобы еще и еще раз подготовить себя к тому, что ему предстояло. Во-первых, Ильичев. Когда Ильичев накануне позвонил ему, он сам неожиданно для себя попросил пропуск на завод, и сразу как бы рукой сняло все его смятение последних дней. Сам еще не понимая почему, он знал, что решение это правильное, что поехать надо было давно. Зайдя к Полякову подписать командировку на завод, он испытал какое-то особое удовольствие, застав там Маркова.

— Ни пуха ни пера вам, — полушутливо, полусерьезно пожелал Марков. И этот намек на известное только им обоим был тоже приятен.

За этими мыслями вставала еще одна — о Тамаре. О встрече с ней, и непременно случайной, где-нибудь в узком проходе цеха, где не разминуться.

Машина неслась, втягивая под колеса серое полотно дороги, и в мягкой тряске неотступно плясали перед ним широко раскрытые глаза с каплями света в зрачках, то ли радостные, то ли недоуменные.

Впечатление быстроты, какого-то иного, ускоренного темпа жизни не исчезло, а усилилось, когда Николай, выйдя из машины, проходил по заводскому двору и дальше — по зданию заводоуправления. Происходило это впечатление не от внешней суеты, мелькания лиц, гудков электрокаров, дрожания земли под ударами паровых молотов. Нет, было ощущение огромного метронома, отстукивающего секунды, причем с каждым ударом этого невидимого маятника что-то создавалось. В движениях, в глазах встречных людей он замечал, что они тоже прислушиваются к этим ударам.

Его сразу провели в кабинет главного конструктора. Ильичев, все в той же кожаной курточке с молниями, стоял за письменным столом, выслушивая какого-то пухлого круглолицего человека, похожего на цыпленка. Посетитель, деловито взмахивая короткими ручками, заваливал стол рулонами чертежей. Ильичев приветливо кивнул Корсакову и снова уставился на хлопотливого посетителя тяжелым взглядом.

— Скажите, вы с кем говорили об этом? — спросил Ильичев.

— Ни с кем, Аркадий Сергеевич, я считаю, что такие вопросы могут быть рассмотрены только вами.

— Так вот, такие вопросы появляются тогда, когда мои подчиненные не могут их решить. — Мягкий, почти нежный голос Ильичева, к удивлению Николая, звучал с жестокой неумолимостью. — Как правило, такие случаи бывают редко. Обратитесь к начальнику технического отдела; если он не решит, пусть приходит ко мне.

Посетитель еще шире раскрыл глаза и окончательно стал похож на цыпленка.

— Я не представлял себе, что вы придерживаетесь таких формальностей.

— Чиновник? — рассмеялся Ильичев. — Сознаться, что так подумали. — Он повернулся к Николаю. — Между прочим, если понимать под чиновником человека, строго придерживающегося рамок своих обязанностей, то иногда это не плохо. Зачем я должен отбивать хлеб у технического отдела? Я согласен с теми, кто утверждает, что самый хороший начальник тот, кому нечего делать; немного хуже тот, кто уходит домой в восемь вечера, и совсем плох тот, кто не успевает даже побриться.

Он вышел из-за стола, протянул Николаю руку.

— Здравствуйте, дорогой. Наконец-то вытянул вас. Пойдемте сразу же на сборку, смотреть нашу красавицу.

...«Красавица» возвышалась посредине цеха на бетонном постаменте, в легкой паутине металлических лесов. Повсюду трепетали голубые спящие огни сварки, визжали сверла, постукивали деревянные киянки. Пахло горячим железом. Николай слышал от отца, что среди старых металлистов есть мастера, определяющие качества железа по запаху. Мостовой кран, ровно гудя,

осторожно спускал огромное колесо с лопастями, похожее на турбинное. Несколько человек, запрокинув головы, напряженно следили за его ходом, показывая крановщику руками — правее, левее, стоп.

К Ильичеву подошел высокий парень в берете, в синем комбинезоне.

— Аркадий Сергеевич, — оказал он, косясь на Николая, — звонили из третьего — забракована головка. Я подозреваю, что они испытывали ее с пристрастием.

— Я знаю, — сказал Ильичев, — они будут ставить бандаж.

— Аркадий Сергеевич, опять лишние килограммы. И сборка мотора задерживается. Они срывают весь график. Это форменный саботаж. Они пользуются тем, что...

— Аника-воин, закрой рот, переведи бригаду на охлаждение и познакомься, — прервал его Ильичев. — Товарищ Корсаков — автор регулятора, Совков — предводитель молодежной бригады сборщиков.

— Вы все шутите, Аркадий Сергеевич, а наши обязательства трещат, — расстроенно сказал Совков, здороваясь с Николаем. — Мы хотели завтра испытать мои крепления, а теперь... — он махнул рукой.

— Трещат? — угрожающе переспросил Ильичев. — Придирался к первому цеху из-за пустяка и заставил помочь сварщикам — выиграл два дня; думаешь, не знаю? Электрики силовую проводку кончили? А ты кричишь, что кабеля нет, а сам тайком поставил их на контрольную.

— Ну, как вам нравится наша «дедуся?» — спросил Совков у Николая, спеша перевести разговор на другую тему.

Ильичев удовлетворенно рассмеялся.

— Да ты покажи ее сначала.

Совков сконфуженно постучал себя пальцем по лбу и, взбежав на лесенку, пригласил их следовать за собою.

— Какое странное прозвище — «дедуся», — сказал Николай.

Ильичев прищурился и, любовно кивая на Совкова, рассказал, что на митинге, перед началом строительства машины комсомольцы заявили: «Дадим ей другую скорость», — вот и пошло сокращенное: «дедус», «дедуся».

Ильичев показывал свою машину с увлечением, не скрывая горделивого восхищения. Он как бы заново переживал еще не остывшие волнения споров, затаенные в каждой незаметной детали, и

все, что казалось сейчас таким очевидным и единственно правильным, оказывалось результатом долгих, мучительных поисков. Громадные, неслыханные до сих пор скорости требовали незнакомых для технологии давлений, температур, напряжений, точностей обработки; металлурги варили особые жароупорные стали, механики разработали новые виды подшипников, новую смазку, новые насосы, новые методы исследования вибрации; человеческая мысль оказывалась на таких скоростях слишком медленной, неспособной управлять, — нужна была новая современная автоматика. Сотни, тысячи людей, десятки заводов и лабораторий создавали эту машину, создавали заново, ибо все то, что имелось в мировой технике, становилось устаревшим при переходе на эту новую качественную ступень.

Совков, пользуясь каждой паузой, вставлял в рассказ Ильичева имена своих такелажников, сварщиков, слесарей, и Николай поражался, сколько блестящей выдумки вкладывали в свой труд люди этих профессий, казавшихся ему прежде простыми и бездумными.

Дотрагиваясь до какой-нибудь детали, Ильичев ласково поглаживал ее зеркальную поверхность кончиками пальцев, а Совков по-хозяйски похлопывал кулаком, словно заодно проверяя ее на прочность и подгонку.

— Вот, — сказал он, указывая Николаю на густо закрашенный суриком «приливчик», — здесь будет стоять ваш регулятор.

Николай присел на корточки, осмотрел хорошо знакомое по чертежам место. Здесь он был у себя. Придирчиво проверил соседние приборы, основание, заглянул в каждую щелку. Хотелось представить себе заранее нрав своих соседей — не слишком ли у них высокая температура, а что будет, если лопнет одна из бесчисленных трубок, не зальет ли регулятор... Он забрасывал Ильичева и Совкова вопросами, что-то записывал, опять опускался на колени и все медлил, тянул, жалея покинуть свой уголок. Он сделал несколько замечаний Совкову о расположении питательной сети. Совков начал было спорить, Николай настаивал, ссылаясь на инструкцию. Совков оглянулся на Ильичева и, увидав непроницаемо-холодное выражение его лица, неохотно поставил мелом крест сбоку от «приливчика», нещадно ругая вполголоса какого-то арапа Петра Великого.

Отныне все заботы и беспокойства шумливого бригадира сборщиков стали близки и понятны Николаю. Он волновался вместе с

Совковым и Ильичевым за негодную обмазку электродов; подошел начальник цеха — пожаловался Ильичеву на большие допуски колец, и Николай нетерпеливо ждал решения Ильичева — отправлять их назад или подгонять на месте. Из всех этих больших и мелких неполадок, тревог складывалась судьба машины, а значит — и судьба регулятора. Он не заметил, как стал звеном в общей цепи. Он зависел от всех, и все от него.

Вытирая промасленные руки ветошью, они прошли в стеклянную конторку диспетчера. Присели закурить.

— Все знают, что дает лишний процент скорости, и мало кто себе представляет, чего это стоит, — задумчиво сказал Ильичев, и Николай заметил, какие у него усталые, красные от бессонницы глаза. — Когда писатель пишет книгу, он с полным правом ставит сверху свою фамилию. Следовало бы ввести такой обычай и в технике. Построили хороший дом — на нем прибить доску: «Сей дом строили архитектор такой-то, каменщик такой-то, столяр такой-то» — всех творцов, лучших творцов упомянуть. И на этой машине, — он кивнул в сторону цеха, — написать, что создали ее «литейщик Косов, профессор Синельников, бригадир Совков, инженер Корсаков, токарь Глазунов и конструктор Ильичев». Да, да, вы не смейтесь. Это уже не моя машина. Если бы все они делали только то, что имеется в чертежах и расчетах, тогда это была бы машина Ильичева, а так мне приходится потесниться. Все, что получится сверх расчетной скорости, будет принадлежать им.

— Какое вы ожидаете повышение скорости? — медленно спросил Николай.

Ильичев развел руками.

— Поверьте мне, не знаю. Что ни день — все мои расчеты рушатся. Только сяду прикидывать — сообщают какую-нибудь новость. Вот Совков свое крепление компрессора предложил, и, должен сказать, отличное крепление. Через недельку, думаю, все должно улечься, тогда назову вам новую цифру. Во всяком случае, не меньше чем плюс двадцать — двадцать пять процентов.

Николай опустил голову. «Вот оно, наконец-то, пришло!» — пронеслось у него в сознании.

Ильичев смотрел на него пристально, изучающе, как доктор на больного.

— Николай Савельевич, а как у вас дела?

Николай пожал плечами. Он не мог ответить ничего определенного. Никто не предполагал, что от регулятора потребуются скорости большие, чем в ТТЗ. И вполне вероятно, что регулятор «захлебнется» в области высоких скоростей. Во всяком случае, по возвращении в институт Николай немедленно проверит, что можно будет выжать дополнительно...

— Да, — протянул Ильичев. — ТТЗ составляли скучные люди, люди, лишенные воображения. Слишком поздно мы спохватились. Я, признаться, надеялся, что вы подправите нас и предусмотрите запасец.

Николай встряхнул головой.

— Есть выход, Аркадий Сергеевич! — воскликнул он и, не в силах больше сдержаться, рассказал о своей идее.

— Чудесно! Чудесно! — повторял Ильичев, увлеченный его азартом.

Вдруг он отодвинулся от Николая и сказал жестким, злым голосом:

— Какого же чорта вы до сих пор молчали? — Он сжал свою бороду в кулак. — Впрочем, все равно, теперь все пропало. Чтобы оформить новый заказ через Москву, надо месяц, не меньше.

— Неужели вы думаете, что институт остановится перед... — запальчиво начал Николай и запнулся, вспомнив Арсентьева.

— Не думаю, а знаю. Сколько вам надо, чтобы кончить вашу модель?

— Месяца три.

— Вот видите. Добивайте-ка лучше американца.

— Чтобы на вашей доске создателей машины вы записали вместо Корсакова мистера Харкера? Нет, Аркадий Сергеевич, не выйдет. Не выйдет! — повторил Николай, весь словно ошестинившись. — Я в институте добьюсь своего, теперь меня ничто не остановит.

— Ладно, — подумав, сказал Ильичев. — Давайте попробуем. Я ваш союзник.

Уже в машине, по ту сторону заводских ворот, Николай вспомнил про Тамару. Впервые он забыл про нее, и именно тогда, когда она была где-то рядом!

В тот же вечер, оставшись один в лаборатории, Николай испытал регулятор на повышенную скорость. Он старался быть

беспристрастным. Трижды снимал он основную характеристику, и трижды кривая отмечала на высоких скоростях недопустимый разброс точек.

— Можно что-нибудь исправить? — спросил он себя. — Нет, не представляю. А все же? Забудь о своем приборе на время. Нет, видно, Александр Константинович был прав: регулятор исчерпывает себя. Каждый самолет имеет свой потолок. Выше себя не прыгнешь.

Он выключил установку. Стоя перед регулятором, презрительно оттопырив верхнюю губу, он обратился к нему с короткой речью:

— Что, брат, не вышло? Молчишь? Дурак я был, что потратил столько времени на тебя. Я знаю, что за тебя кое-кто поборется, но я тебя доконаю. Чтобы ты пролез на машину будущего? Ни за что. Оставим тебя здесь, как памятник наших ошибок.

Следовало обстоятельно подготовиться к завтрашнему сражению с Арсентьевым. Он набросал перечень необходимых материалов для своего регулятора, календарный план, программу испытаний. Закончил в полночь. Поднялся из-за стола, потянулся до хруста в костях. Уходить не хотелось. словно из далекого путешествия вернулся он в родные места. Вязкое оцепенение последних недель исчезло. Насвистывая, прошелся он вдоль высоких стеклянных шкафов. Ему представлялось, что рядом идет Тамара. Он взял бы ее за руки. Родная, любимая девочка с диковатыми зрачками. В старое время к ногам возлюбленных рыцари слагали драгоценные камни, золото, меха. Нелепые и смешные рыцари. Вот оно истинное богатство — смотри, Тамара!

На полках, теряясь в полутьме, рядами выстроилась армия приборов. Верные друзья, они приветствовали его возвращение, празднично поблескивая радужными переливами призм, воинственным сверканием латунных клемм, винтов, благородными бликами полированных футляров.

Как в настоящей армии, здесь были передовые отряды разведчиков — безответные работяги в потрепанных, расцарапанных коробках: простые амперметры, омметры, логометры, магазины сопротивлений, мосты, — они первыми вступали в бой, прощупывали, уточняли обстановку. Потом им на помощь спешили точные миллиамперметры, осциллографы, электрометры. И уже в разгаре

сражения поднимались с атласных подушек важные, высшего класса точности гальванометры, фотометры, эталоны, потенциометры.

Если бы ты знала, Тамара, про увлекательную романтику каждодневных битв, разыгрывающихся в тиши лабораторий! А сколько поэзии таилось в метком и красочном техническом языке! Стоило только вслушаться в причудливые сочетания слов — шлейф осциллографа, каскад усиления или следящая система, коронный разряд, ливни электронов... — Из таких слов слагаются: поэмы!.

И если бы перевести сейчас на этот высокий язык его мысли, они, примерно, звучали бы так:

«...Одну строку в этой поэме должен написать я. И вовсе не для того, чтобы оправдаться перед тобою или завоевать твою любовь. Может быть, нам не суждено встретиться больше. Мне просто хочется, чтобы мы с тобою с каждым днем становились счастливее...»

На белом листе бумаги методично, один за другим выстраивались шалашики. Ровный строй лагерных палаток, скучный и однообразный. Карандаш чертил их, не допуская никаких отступлений. С каждой фразой Николая на бумаге прибавлялся новый шалашик.

Знакомая и, в сущности, безобидная привычка Арсентьева сейчас мешала сосредоточиться.

«Хоть бы придумал что-нибудь другое», — раздраженно подумалось Николаю.

Когда он кончил говорить, Арсентьев аккуратно подвел тоненькую черту под шеренгой шалашиков.

— Во-первых, я не могу принять на себя решение, — начал он ровным голосом, — столь серьезного вопроса, имеющего скорее административный, чем технический, характер и выходящего поэтому за пределы моей компетенции. — Карандаш поставил римскую цифру I, обвел ее скобкой и передвинулся на строчку ниже.

— Во-вторых, мнение мое, предварительное, повторяю — предварительное, складывается так: «А» — ТТЗ выполнено. Подождите, — карандаш предупредительно приподнялся, — возможно, это для вас является моментом формальным, но ведь и его надо учитывать; «Б» — ваше предложение представляет самостоятельную тему, со всеми последствиями относительно средств и времени, и «В» — я до сих пор имел основание надеяться, что вы

стремитесь вернуться к вашей прежней теме. Поэтому я предполагал оставшиеся мелочи поручить Анне Тимофеевне и Песецкому, а вам буквально с завтрашнего дня дать возможность продолжать работу с Родиным.

Он приподнял веки и, отечески улыбаясь, напомнил.

— Я-то ведь попрежнему беспокоюсь за вашу диссертацию. Вам давно, давно пора, — смотрите, Агарков обгоняет вас.

Николай недоумевал: «Что это он — в самом деле заботится или угрожает?»

Поблагодарив Арсентьева, он напомнил, что если институт не решится отказаться от американского образца, то подведет весь коллектив Ильичева.

— Ильичев также сторонник нового варианта.

— Каждый должен, прежде всего, заботиться о чести своего коллектива. Взявшись сгоряча за вашу модель, мы можем опозорить институт.

— Леонид Сергеевич, почему вы не верите, что мы оправимся с ней? Ведь вы смотрели мои наброски и не нашли никаких принципиальных возражений.

Тень снисходительной улыбки пробежала по лицу Арсентьева.

— Вы желаете знать, почему я не верю? Пожалуйста! Фирма Сперфи существует пятьдесят лет, это превосходная фирма, вы пользовались ее приборами и могли убедиться. Она не могла создать до сих пор совершенный регулятор высоких скоростей. Фирмы с мировым именем «Д. Е.», «Е. С.» безуспешно бьются над этим вопросом последние годы. Будьте уверены, они не так-то просто уступают рынок своим конкурентам. Что, вы думаете, там в лабораториях сидят идиоты? Вы недооцениваете наших противников, Я знаю сам, что в теории мы во многом идем впереди. Но техника приборостроения... — Арсентьев огорченно пожал плечами. — Я ученый и считаю себя обязанным смотреть на вещи объективно.

— Леонид Сергеевич, если бы даже и существовали на свете объективные ученые, то я не хотел бы быть в их числе. Я пристрастен к нашей науке. Я объясняю ваше неверие...

— Преклонением, — тонко усмехнулся Арсентьев. — Чрезвычайно ходкий термин.

— Нет, это причина, а следствие хуже — беспринципность. Вас беспокоит только то, что, признавая негодность изготовленного регулятора, вы ставите под сомнение свой авторитет начальника отдела.

Ничего не изменилось на замороженном лице Арсентьева, только карандаш дернулся, разрывая бумагу.

— Признателен вам за столь любезный психологический анализ, и коль скоро для вас мой авторитет померк, то продолжение нашего спора можете перенести к главному инженеру. Кстати, если вы вдумаетесь в ситуацию, то поймете, что при этом прежде всего пострадает авторитет непосредственного руководителя бригады.

Николай настоял перед Поляковым, чтобы вопрос решался в присутствии Анны Тимофеевны и Песецкого; он не считал себя вправе обойти их, они были заинтересованы в судьбе прибора не меньше его.

Арсентьев пригласил также Агаркова, аспиранта, занимавшегося вопросами регулирования...

На протяжении всего рассказа о своем посещении завода Николай очень волновался. Хотелось передать ощущение напряженного грудa, описать цех, залитый огнями сварки и прожекторов, стоящую посредине цеха «дедусю», и этот выкрашенный красным суриком

«приливчик», ожидающий их регулятор, огорченное лицо Ильичева, — добиться того, чтобы слушатели ощутили весь великолепный взлет мыслей сотен советских инженеров, затаенный в каждой детали машины. И он не находил слов. Язык казался беспомощным, выражения бедными, тусклыми; чудесная картина оставалась невидимой для слушавших его людей.

«Отвезти бы их туда, что ли», — с тоской подумал он. Он приколол к стенке чертеж скелетной схемы своего прибора, положил перед Поляковым расчеты, календарный план, спецификацию. Не избегая сомнительных мест, он честно предупредил о предстоящих трудностях. Взглянув на старательно записывающего что-то в блокнот Арсентьева, он подумал, что, может быть, не следовало раскрывать целиком своих карт, и решил заранее отпарировать возражения Арсентьева.

— Ни одна заграничная фирма не была поставлена перед необходимостью создания регуляторов больших скоростей, потому что там не существует машины Ильичева или ей подобной, — сказал он, глядя в упор на Арсентьева. — Там могут, конечно, сделать такой регулятор, но вы правы, Леонид Сергеевич, им нужны для этого годы, а мы можем сделать его за месяцы. И знаете почему? Потому что у нас это дело не трех, четырех, пятнадцати фирм, хотя бы и конкурирующих между собой. У нас это дело прежде всего нашей ответственности перед страной, перед партией, перед будущим всего нашего народа и каждого из нас.

— Это уж из области агитации, — шепнул Арсентьев Агаркову так явственно, что все услышали.

— Ну, что скажете, товарищи? — удрученно спросил Поляков. Видно было, что необходимость вмешаться в это запутанное дело крайне тяготила его.

Песецкий шумно вздыхал, яростно грыз ногти и что-то быстро-быстро шептал на ухо Анне Тимофеевне. Агарков, придвинув к себе листки расчетов, недоверчиво перелистывал их.

— Разрешите мне, — сказал Арсентьев. Умело вкрапывая в свою речь осторожные оговорки, — «как я могу судить», «насколько мне кажется», «если позволите утверждать», — он похвалил намерение Корсакова. Сделал он это так, что от слов его всем стало неудобно,

точно он вынужден был оправдать какую-то глупую выходку своего проказливого ученика.

Впечатление это усилилось при упоминании о сомнительных местах. Собственно, это были сомнения самого Николая. Тем не менее, старательно собрав их вместе, Арсентьев сумел создать впечатление удручающее. В его изложении они звучали настолько серьезно, что заслонили собой всякую надежду на успех. Арсентьев притворно пытался было замазать некоторые из них, но делал это нарочито неумело и сам сконфуженно разводил руками.

Он оперировал словами самого Николая, искусно перекраивая их по-своему, окрашивая другой интонацией.

Это был явный противник, и злиться на него было неразумно. Наоборот, следовало учиться у него выдержке и спокойствию, хотя приемы он употреблял некрасивые.

— Какой прохвост! — сквозь зубы твердил Николай. — Какой прохвост!

Совершенно неожиданный удар нанес Николаю Песецкий. Он утверждал, что регулятор Харкера можно приспособить для больших скоростей, — если не на двадцать пять процентов, то, во всяком случае, на десять-пятнадцать процентов выше заданной. Он горячо и обиженно упрекал Николая во вредном оригинальничаньи и прямо заявил, что последнее время Корсаков забросил руководство работами.

Его слушали сочувственно. Даже Николай понимал, что значило для Песецкого зачеркнуть всю свою выдумку, все свое изобретательство, вложенное им в регулятор.

Красивое лицо Песецкого побледнело, он перегнулся через стол, к Николаю.

— Вы, вы сами виноваты! Сегодня предлагаете одно, завтра другое. Почему вы за все время не поделились с нами вашими опасениями? Сами заварили кашу, а мы расхлебывай. Как вам не стыдно!

Поляков успокаивающе постучал по мраморному стаканчику письменного прибора. Закинув ногу на ногу, Агарков добродушно заметил:

— Может быть, и впрямь займемся старым регулятором?

— А что, если на заводе добьются увеличения скорости не на пятнадцать, а на тридцать процентов? — тихо опросила Анна

Тимофеевна.

Поляков потер переносицу.

— Дорогая Анна Тимофеевна, как говорят — «если бы, да кабы»... Давайте смотреть на вещи практически. Мне звонил Ильичев; толком он сам еще не знает, какой процент увеличения получится. Просит подождать недельку. Если мы пойдем на поводу у заказчика, то с каждым объектом у нас будет получаться такая ерунда. Для нас ТТЗ — государственное задание. Мы его выполнили? Выполнили. И досрочно. Зачем же мы будем лишать институт права отрапортовать министру? — Он замялся. — Тут еще одно щекотливое обстоятельство, — как известно, полагается премия за досрочное окончание темы. Бригада премию заслужила. Как прикажете с премией?

Вопрос был настолько неуместен, что всем стало неловко.

— Об этом не стоит беспокоиться, Пал Палыч, я лично отказываюсь! — угрюмо сказал Песецкий.

— Хорошо, хорошо, — согласился Поляков. — Допустим, мы уладим все эти щепетильные дела. Остается самое серьезное, то, о чем говорил Леонид Сергеевич, — и он стал долго и нудно доказывать нереальность затеи Корсакова. — Поймите меня, ради бога, правильно, Николай Савельевич! Я не могу насильно заставить работать с вами людей, не верящих в ваш успех. Речь идет о репутации каждого. Пока что, все это, — он кивнул на чертежи, — отсебятина, пусть полезная, умная, но отсебятина. Поэтому я бессилен помочь вам.

— Я лично наотрез отказываюсь участвовать в этой аванюре, — сказал Песецкий.

Поляков укоризненно замотал головой:

— Ну зачем так? — Он не переносил грубостей.

Николай с надеждой обернулся к Анне Тимофеевне.

— А вы?

Она, опустив голову, молчала, кончики ее ушей жарко горели.

Что мог обещать ей Николай? Новую лихорадку поисков, изнуряющие расчеты до поздней ночи, немыслимые сроки? А дома, наверное, все запущено, дети без присмотра... Как понимал он ее слабость в эту минуту! И, несмотря на всю свою жалость, он не мог простить ей измены, как не прощал он ни Песецкому его обиды, ни Полякову его нерешительности, ни Агаркову его равнодушия. Он

видел перед собой одно: сборочный цех, и посередине, на бетонном постаменте, в серебристой паутине лесов — машину.

— Хорошо, — сказал он, — я берусь изготовить регулятор сам, мне не нужен никто, оставьте мне только моего лаборанта.

Агарков удивленно поднял брови. Арсентьев захлопнул блокнот и со спокойным удовлетворением сказал:

— Теперь это действительно похоже на авантюру. Я снимаю с себя какую-либо ответственность.

Поляков долго почесывал карандашом за ухом, что-то прикидывая и взвешивая.

— Понимаете, Леонид Сергеевич, — сказал он, — Ильичев меня очень просил помочь Корсакову, ну, и я ему обещал. Так и быть, — он вздохнул, — все последствия беру на себя. Надо уметь рисковать, чорт возьми!

В коридоре Агарков взял Николая под руку.

— Вы поступили опрометчиво, Николай Савельевич. Видали, как ухватился Поляков? Ему только этого и надо было. Теперь при любом исходе он окажется прав. Не выйдет у вас — скажет: самонадеянный мальчишка, я дал ему все возможности, а он... или, еще того лучше, скажет: я знал, что так и будет, поэтому не дал ему людей.

Николай устало отмахнулся.

— А, бог с ним!

Агарков доверительно рассмеялся.

— Вы знаете, в институте уже ходит загадка: чем американский дипломат отличается от Полякова? — тем, что первый вмешивается в дела чужих государств, а второй не вмешивается даже в дела института.

Николай не утерпел.

— Что вы балагурите теперь, а на совещании молчали?

— Да очень просто, бесхитростная душа, — действие равно противодействию. У Арсентьева воспаленное самолюбие, и он член ученого совета, у меня через два месяца защита диссертации, а ваше предложение по-настоящему талантливо, — вот и молчал.

Николай остановился, выдернул руку и, склонив голову набок, обмерил Агаркова сверху донизу оценивающим взглядом.

— Я вас могу представить себе кандидатом, даже доктором, но ученым — да еще советским — никак!

Узнав о совещании у Полякова, Марков решительно вмешался, круто повернув результаты в пользу Корсакова.

Работа включалась в план опытных исследований, получала все официальные права и шла независимо от заказа, работу над которым теперь возглавлял Агарков.

Николай почувствовал себя твердо на ногах и после недолгого совета с Юрой принял решение — закончить регулятор к первому августа. Они предъявят его государственной комиссии, и тогда будет видно, чья модель лучше!

Семен Родин застал Николая спящим. Он разбудил приятеля.

— Ну, выкладывай, — строго сказал Семен.

Николай послушно рассказал о последних событиях. У Семена вспотели очки, он снял их, чтобы протереть стекла, и, близоруко моргая, спросил:

— Что же ты теперь будешь делать, горячая ты голова?

— Что сказал, то и — буду.

Семен надел очки и с интересом посмотрел на товарища.

— Безумство храбрых. Ты серьезно намерен взяться в одиночку за прибор?

— Да.

— И уложиться в срок?

— Попробую.

— Эгоист. Ты жаждешь прославиться.

— Я меньше всего помышлял об этом.

Они помолчали.

— Послушай, Николай, а диссертация, значит, по боку?

Николай вспомнил Агаркова, кулаки его сжались.

— А ты предлагаешь мне вступить в сделку с совестью ради славы кандидата?..

— Ну, ну, успокойся. Я, конечно, не иду ни в какое сравнение с Ильичевым, но все же ты подводишь меня. И крепко. Я так построил нашу работу, чтобы оставить тебе ряд вопросов. Арсентьев предупредил меня, что ты с завтрашнего дня вернешься. Как раз из твоей области — помнишь, у нас не сходились данные... — Загоревшись, он стал вводить Николая в курс своих дел. Обняв колени и вглядываясь в стеганый узор одеяла, Николай вызывал в памяти

полузабытые формулы и даже кое о чем порасспросил Семена, но, встретив его настороженно-лукавый взгляд, словно обжегся.

«Эге, да ты хитер, брат, — подумал он с неприязнью, — думаешь, расставил мне западню?»

— Есть такая старая сказочка, про колобок, — расхохотался Николай, — я от бабушки ушел и от дедушки ушел, а от тебя, серого волка, давно уйду.

Семен даже не улыбнулся.

— Из истории известно, что самонадеянный колобок все же попался лисе в пасть. Поэтому я тебе советую — займись пока диссертацией. Время докажет твою правоту. Успех Ильичева возродит прибор. Как говорят: мало родиться великим, надо родиться во-время.

— Ловко. Сперва я подожду машину, потом машина меня. Удобно, нечего сказать.

— Любой поступок следует рассматривать с точки зрения максимума своей отдачи. Ты гораздо больше сможешь сделать, заканчивая нашу тему, чем ковыряясь в одиночку над этим прибором.

Николай зевнул.

— Меня не переубедишь. И оставь, пожалуйста, свой назидательный тон, а то получается второе, дополненное очками, издание Арсентьева.

Семен надулся, отошел к этажерке, стал перебирать книги; разговор долго не клеился.

— Что у тебя за перемена знака в отношении к Леониду Сергеевичу? — спросил Семен, не утерпев. — Ведь он, по сути, желает тебе только добра, даже если он насильно тянет тебя туда, где, ему кажется, лежит твое призвание.

Николай посуровел; медленно, с натугой выговаривая каждое слово, сказал:

— Арсентьев добрый, как же! От его доброты я чуть не задохнулся. Вот к американцам он добрый, это точно.

— В этом ты как будто прав — надо подумать. Но мне кажется, что в тебе играет нездоровое авторское самолюбие. Как так, мою модель не признают! Вот ты и лезешь на стенку.

— Чего же тут нездорового? Так и надо. Грош цена тому изобретателю, который только придумывает.

— Все-таки я не понимаю, при чем тут Арсентьев? Предположим, речь шла бы не о регуляторе Харкера, а о регуляторе какого-нибудь Петрова из Свердловского политехнического института. Тогда как?

— Тогда Арсентьев не рекомендовал бы мне его, а наоборот, заставил бы сто раз проверить, пересмотреть, отыскал бы в нем уйму недостатков. «Если Петров из Свердловска может, то чем мы хуже его?» — рассуждал бы наш почтенный воспитатель. Вот почему меня и бесит Арсентьев. Он прекрасный специалист и, может быть, действительно по-своему заботится обо мне, но он превратил меня в умиленного слепого щенка. Жаться к ногам хозяина и хлебать теплую бурду из заморских подачек? — Николай шумно передохнул, успокаивая себя. — Поэтому все его положительные качества обращаются против него. Какой бы большой плюс ни умножить на минус, будет минус. Мы выбрали себе плохого учителя, Семен.

В спорах своих они часто отвлекались, забывали главный повод, и всякий раз Николаи спохватывался первый.

— Да, я виноват перед Песецким, Анной Тимофеевной, Ильичевым, но больше всех перед заводом в том, что польстился на заморскую дешевку, обрадовался легкому пути. Машина должна выйти с наивысшей скоростью. Ради одного лишнего процента скорости я готов пожертвовать чем угодно. Все оправдается. Ты представляешь себе, какие возможности открывает каждый лишний процент?!

Он силой усадил Семена к столу и, загибая пальцы, перечислял ему эти возможности, потом вытащил из кармана пиджака потрепанную на сгибах бумажку.

— Вот, смотри. — Он развернул и расправил вырезанную из журнала фотографию, — Мистер Харкер, заведующий лабораторией фирмы «Сперфи». Наши советские ученые уже заставили харкеров изучать русский язык и рыться в наших журналах, и я вовсе не желаю быть печальным исключением; пусть они ищут там и мои статьи, пусть они копируют мой регулятор и бродят по моим следам. Помнишь у Маяковского:

Почему под иностранными дождями
вымокать мне, гнить мне и ржаветь?

.....

В зеленом свете луны причудливо изгибались завитки папиросного дыма. Маленькая комната расширилась, стены запрятались в темноте, корешки книг на полках заиграли новыми, необычайными цветами. Серебряное стало голубым, коричневое — багряным, желтое — розовым, все приобрело глубину, мерцали стеклянные грани чернильницы, стопки бумаг на столе отсвечивали, как куски зеленоватого льда.

Как странно все меняется в жизни! Наступает какой-то момент, неуловимый поворот — и старые друзья расходятся по разным дорогам. А какая из них правильная? Николай распахнул окно, сел на подоконник. Свежий ночной ветер трепал волосы. В мгlistой дали пустынной улицы мелькали синие вспышки дуги последнего трамвая. Где-то неподалеку заплакал ребенок — и снова тишина.

В сущности, Семен замечательный парень. Он отдает все свои силы работе и стремится к тому же, что и Николай. Значит, дело в путях. Можно идти вперед разными путями? Разве самый верный путь — это самый короткий? Пожалуй, да, если только в понятие «короткий» вложить и расстояние, и время, и затраты, и будущее. Вот, например, строя линию передачи, выбирают прямую трассу, хотя бывает, что быстрее и легче и дешевле обойти какое-нибудь болото стороной, но зато в будущем потери электроэнергии съедят всю мнимую выгоду такого обхода. А иногда надо обойти болото, чтобы опора стояла надежно, на твердом грунте. Какой путь верен?

Для того чтобы при всей любви к родине отдать ей максимум того, что имеешь, для того чтобы каждое твое дело, решение было нужным и правильным, — для этого партия учит на опыте своей борьбы, на жизни своих вождей мудрой науке наук — большевизму!

Вот компас!

Владея им, незачем ждать, что кто-то за тебя разберется, подскажет тебе путь, — ты можешь делать свое дело сам, не прячась за чужую спину, не боясь риска, не давая отвлечь себя мелкими, старенькими, чужими интересами — карьеры, денег, славы... К иным чувствам, к иному миру, к иному счастью ведет этот компас.

Если привык вставать в восемь часов, то очень трудно заставить себя подниматься в шесть утра. Тем более, что на работу нужно к девяти. Единственный способ: проснулся — броском прыгай с кровати. Стоит потянуться, почувствовать уютную лень нагретых

простыней — и сон опять навалится, утащит за собою в мягкое тепло подушки. Нет, нет, проснулся — и сразу прочь одеяло. Босой еще, подпрыгивая на холодном линолеуме, можешь радоваться, что выиграл у времени еще два часа.

А счет шел не на часы, а на минуты. У Николая и раньше были периоды напряженной работы, но они не шли ни в какое сравнение с нынешним. Даже при условии исключительных удач выпустить одному за полтора месяца новый прибор было делом неслыханным.

Николай пересмотрел свой обычный рабочий день, отыскивая в нем запасы времени. Прежде всего он сократил сон до пяти часов. На дорогу в институт и обратно тратилось час двадцать минут. Стоя на остановке, в ожидании трамвая, он мысленно проверял намеченный им сегодня план работ, а входя в трамвай, вынимал свои записи. На обратном пути он просматривал графики, полученные за день. Он возвращался домой в десять вечера и до часу ночи обрабатывал — материалы опытов. Первое время он засиживался до трех, до четырех часов, иной раз засыпая за столом, и назавтра у него болела голова и вяло путались мысли. Тогда он установил жесткий режим — ложиться в час, вставать в шесть, утро посвящать самым сложным расчетам, работать даже за едой. Только над сном своим он не был властен.

Втягиваясь в размеренный ритм труда, он испытывал все меньше утомления.

Начав с расчетов, он вскоре убедился, что избрал неверный путь. Для того чтобы полностью определить нужные данные, приходилось прибегать к ряду допущений, многие из которых были сомнительны и заставляли его мысль разветвляться на варианты, те в свою очередь расщеплялись на новые, и к концу недели в этом густом сплетении ветвей и веточек затерялась главная линия — ствол. Все это время Юра слонялся без дела, — помогать в расчетах он не мог, а материалов для лабораторной работы еще не было. Тогда Николай избрал другой метод. Подобрал основные данные, он ставил опыт, уже на стенде прощупывая и уточняя свои расчеты, доводя их до предельной точности. Такая система требовала исключительной тщательности и навыка. Во время одного из испытаний у Николая сгорела виброустановка, сложный и дорогой прибор, единственный в институте.

Арсентьев вызвал его и потребовал представить схему опыта. Николай показал свои расчеты, и Арсентьев наглядно доказал! (как это было теперь легко!), что величину погрешности можно было предусмотреть и не допустить перегрузки.

— Просто не знаю, как отныне доверять вам прецизионные приборы, — сказал Арсентьев, задумчиво рассматривая остро отточенный карандаш.

Николай пересилил свой стыд и досаду.

— Леонид Сергеевич, я заверяю вас, что подобная оплошность со мной случилась в первый и последний раз.

Арсентьев двумя пальцами снял пушинку с рукава, дунул на нее и с любопытством проследил за ее полетом.

— Не знаю, не знаю, Николай Савельевич, наука не любит торопливости. Напишите объяснительную записку главному инженеру; посмотрим, что он решит. Удивительное совпадение, — многозначительно добавил он. — Виброустановка нужна была для окончательных испытаний Песецкому.

Николай поспешно вышел, красный от унижения и незаслуженных подозрений.

В стенгазете появилась гневная заметка Агаркова, нового руководителя группы, полная ядовитых намеков, и карикатура: витающий в облаках дыма от горящих моторов виброустановки Корсаков с мечтательным выражением на лице.

История с виброустановкой сыграла роль и в отношениях с Песецким. Он стал сухо раскланиваться с Николаем, стараясь не выказывать своего растущего интереса к новой работе. Анна Тимофеевна, чувствуя, что Николай не простил ее слабости на совещании у Полякова, тоже избегала прежнего своего руководителя. Агарков вел себя с подчеркнутым недружелюбием. Заказы Корсакова в мастерские подписывались Арсентьевым в последнюю очередь, заявки в отдел снабжения залеживались у него по нескольку дней.

Юра, возмущенный несправедливостью начальника отдела, скоро перессорился со всеми сотрудниками. На каждом шагу он видел тайные козни. Конечно, при своем добродушном характере, он мог бы помириться со всеми как следующий день, но не делал этого, воображая, что поддерживает Николая.

Десятки больших и малых препятствий возникали ежедневно перед Николаем, и как он ни старался, все же наступал момент, когда он вынужден бывал обратиться к начальнику отдела.

Арсентьев выслушивал его с приторной вежливостью.

— Чертежи? — переспрашивал Арсентьев, вздыхая. — Боюсь, что вам придется подождать, пока освободится Нина. Она ведь занята у Агаркова.

Николай облизывал пересохшие губы.

— Леонид Сергеевич, Нина свободна. Ей сейчас нечего делать.

— Не знаю, возможно. Во всяком случае, она может понадобиться Агаркову в любую минуту. Вы не обессудьте, Николай Савельевич, для меня на первом месте дело, заказ, а потом уже личные стремления сотрудников, опытные работы и прочее.

Николай оставался на вечер и чертил сам. Все эти помехи только пуще подстегивали его волю. Успеть, во что бы то ни стало успеть. Всесокрушающая сила его настойчивости вскоре захватила даже самых равнодушных. Нина упросила его доверить ей эскизовку и принималась за нее после работы, засиживаясь до поздней ночи. Куда девалась ее капризная придирчивость! Она беспрекословно принимала торопливые карандашные наброски Николая, за которые бы раньше был поднят скандал. Что уж тут говорить о Песецеком! Его любопытство сменилось раскаянием. Он клял себя за свое прошлое поведение. Только какое-то глупое мальчишеское самолюбие удерживало его от того, чтобы первому сделать шаг примирения. Он ловил Юру в коридорах и словно невзначай выведывал, у него, как идут дела. Он понимал, что надежда успеть у Корсакова была ничтожной, переживал это и старался украдкой помочь чем только мог. Николай ничего этого не замечал. Он видел только одно: груды, груды несделанной работы. Он подсчитывал: оставшееся время, и перед ним все явственнее возникала грозная опасность — не успеть, не кончить в срок...

Через день после приезда из Москвы Михаил Иванович затребовал у Корсакова проект регулятора. Незадолго до этого у Николая состоялся разговор с Марковым. Николаи приятно удивился, что история с виброустановкой гораздо меньше интересовала Маркова, чем состояние работ над регулятором. Марков был по специальности

инженер-вакуумщик, и многие вопросы автоматики давались ему с трудом. Он досадовал и по несколько раз переспрашивал Николая, стараясь вникнуть в самую суть трудностей. Николай отвечал скупое, не желая, чтобы Марков подумал, что он жалуется; но даже простое перечисление пройденных этапов, преодоленных препятствий, — ошибок, ложных ходов, удачных комбинаций, маленьких и больших открытий было ему приятным. За последние две недели Николаю не приходилось ни с кем, кроме Юры, делиться впечатлениями об их работе. Ему хотелось сейчас самых сухих слов: одобрения или даже, наоборот, упреков либо спора с кем-нибудь до хрипоты.

Глаза Маркова мечтательно прищурились, он слушал Николая со все возрастающей непроизвольной восторженностью. Почувствовав в нем искреннее волнение инженера, Николай уже более не сдерживался и поделился своими тайными опасениями:

— Слишком новый принцип, ежедневно всплывает столько вопросов, что захлебываюсь. Приходится ряд выводов принимать на веру, — некогда проверить, рассчитать. Эх! — махнул он рукой. — А сколько я был вынужден отбросить интересных вариантов, оставить необъясненными кучу явлений... А тут еще всякие козни Арсентьева... — при воспоминании о начальнике отдела кулаки Николая сжались.

Марков поморщился и, никак не выразив своего мнения, без всякой видимой связи с разговором, предложил Николаю сделать на предстоящем партсобрании доклад «Об отношении к заграничной технике в институте».

— Я сознательно ограничиваю тему, хотя она дает возможности очень широкой ее трактовки, — сказал он. — Например, об истоках, так сказать о движущих силах технического творчества там, на Западе, и у нас. — Он пристально смотрел прямо в лицо Николаю.

— Мне сейчас очень трудно со временем, — сказал Николай.

— Прикиньте, — возможно, вам в результате собрания станет легче и со временем и с другими вещами, — заметил Марков.

— Возможно, — согласился Николай. — Но ведь это не решение вопроса!

Марков прищурился одним глазом, словно прицелился:

— Какого вопроса?

Николай больно закусил губу. Ну что ж, в конце концов он был слишком многим обязан Маркову, чтобы скрывать от него что-либо. Марков был именно тем человеком, с которым можно было объясниться начистоту, не щадя своего самолюбия. Просто, без всяких обиняков, он рассказал о своих опасениях не уложиться во-время, к первому августа. Может, он переоценил свои силы, может быть... Словом, положение еще можно поправить, если ему немедленно помочь.

Нелегко далось ему это слово. В запальчивости он наговорил много лишнего, припомнив поведение Анны Тимофеевны и Песецкого...

Марков сидел спокойный, и Николай видел — все то, что он говорит, уже известно Маркову во всех подробностях.

— Помощь мы вам, конечно, окажем, — после долгого молчания сказал Марков, — теперь ясно, что ваш регулятор имеет право быть не опытом, а заказом. Насчет Арсентьева положение тоже становится ясным, а вот остальные ваши обвинения — чепуха! Вы должны прежде всего винить самого себя, а не ваших товарищей!

— Но до каких же пор? — воскликнул Николай. — Пора бы им понять, что они тоже ошибались...

— Кое-кто понял, разве вы не заметили?

— Нет. — Николай усмехнулся. — Не вижу.

— Не видите? — возмущенно переспросил Марков. — А с чего, вы думаете, возник наш разговор? Что я — пророк или ясновидец какой? Ко мне пришла Анна Тимофеевна и пожаловалась на вас.

— Анна Тимофеевна? На меня?

— Ага, удивляетесь! Пожаловалась, и совершенно правильно! Вы замкнулись в нелепом одиночестве, отталкиваете товарищей от себя, упиваетесь своими обидами. Она и Песецкий поняли свою ошибку, и за это им можно простить ее. Николай Савельевич, ваш регулятор ведь порожден коллективом, он смысл-то свой обрел благодаря комсомольцам Ильичева... Вспомните, ведь еще в самом начале вашей работы я вам советовал отправиться прежде всего туда, на завод, где ждут именно нашего, советского регулятора. И правильно, что Липа Тимофеевна потребовала, хотите вы того или нет, сделать его заботой и долгом всего института.

— Вы говорите так, как будто я заинтересован работать в одиночку, — с негодованием сказал Николай.

— Нет, не вы.

— А кто же? Арсентьев?

Маркое помрачнел, на лице его проступило выражение непримиримости.

— Да! Арсентьев невольно, сам не подозревая, помогает Харкеру. Мистеру Харкеру.

В кабинет секретаря парткома люди входили и уходили, звонил телефон, за стеной стрекотала машинка, а Николай все сидел, опустив голову, и сам Марков, взволнованный разговором, отвечал посетителям невпопад, просил зайти попозже. Им обоим хотелось остаться вдвоем и молча, не торопясь, без жалости проверить Маркову свою правоту, а Николаю свою ошибку.

Беседа с директором приобрела явно выгодный для Николая характер.

— Ну что, Николай Савельевич, исполнишь свое обещание в срок? — спросил Михаил Иванович.

— Затруднительно, Михаил Иванович, — весело отвечал Николай.

Скульпторам и художникам хорошо Известно, что приписываемая человеческим глазам выразительность на самом деле создается игрой теней и морщин вокруг век. Впервые это пришло в голову Николаю, когда он — смотрел в глаза Михаилу Ивановичу. Их синий чистый взгляд оставался попрежнему пристальным, а щеки уже дрогнули и мелкие штрихи морщин разбежались веером из-под бровей. Николай знал, что наверняка ухватил смысл их предательского языка.

«Ты заслужил, чтобы я тебя отругал, — говорили они, — и я это сделаю, но вовсе не потому, что я сердит на тебя, а потому, что я должен это сделать. На самом деле ты молодец, и я и Марков — мы поможем тебе чем только можно».

Михаил Иванович поспешно нахмурился, он не любил, когда угадывали его мысли.

— Зачем брался? — сказал он. — Совесть свою хотел успокоить?. Эх, ты! Следовало всех на ноги поднять! Мало быть правым — надо уметь убедить других в своей правоте.

— И в нашей ошибке, — многозначительно вставил Марков. — Мы не уцепились во-время за возможность перевести инициативу Корсакова на рельсы заказа.

— Стрелочник виноват! — невесело пошутил Михаил Иванович. — А стрелочник-то, выходит, я!

Узнав перед своим отъездом в Москву о решении Корсакова, Михаил Иванович воздержался от каких-либо замечаний.

— Признаюсь, я тогда думал, что ты сгоряча, по молодости, замахнулся. Я считал: пускай, мол, в порядке опыта Корсаков намнет, а там видно будет, что получится. А ты столько успел за мою командировку, что теперь ясно — твой регулятор делать можно и нужно.

Он нажал кнопку звонка.

— Нина, вызовите мне Арсентьева, группу Агаркова, начальников планового отдела и мастерских. Еще кого тебе надо?

— Начальника снабжения — Марченко.

— Давайте и его.

Когда секретарша скрылась за дверью, Михаил Иванович досадливо покривился.

— Все из-за тебя, Корсаков. Отвратительное у тебя сочетание душевных качеств — упрямство и робость. Я же назначил тебя руководителем. Ты что думаешь, слово «руководитель» происходит от «руками водить»?

— С самого начала незачем было хвататься за американскую модель, — попробовал вмешаться Поляков, но Михаил Иванович даже не повернулся в его сторону.

Николай был счастлив. Еще не зная, как развернутся события, он твердо верил, что забота о его приборе взята в крепкие руки, что недоверие осталось позади.

Когда все собрались, Михаил Иванович коротко объяснил положение. Ознакомясь вместе с профессором Поповым с материалами по регулятору Корсакова, он считал, что существует возможность за оставшийся месяц кончить его. Ильичев сообщил, что его машина будет иметь превышение скорости на двадцать пять процентов выше проектной. Речь идет, таким образом, о том, что только наш советский регулятор может использовать вдохновение заводского коллектива. Профессор Арсентьев доказывал нереальность

подобного срока. Он прав, — могут произойти непредвиденные случайности. Но это не резон, чтобы приостановить работу.

— Поэтому есть такое суждение — рискнуть! — заключил Михаил Иванович.

— Давайте рисковать до конца, — предложил Николай. — Монтаж можно значительно ускорить, используя ряд готовых деталей из американского образца.

— Э, э, не пойдет! — убежденно возразил Михаил Иванович. — Американский образец мы будем доводить до конца, тем более что Песецкий и Агарков утверждают, что они приспособят его для высоких скоростей. Разобрать его — это уже ненужный риск, прямая угроза. Поэтому я думаю, что, комплектуя бригаду Корсакова, не стоит даже разбивать ваш коллектив, — обратился он к Агаркову (неуловимый смешок прозвучал в его голосе). — Прошу Анну Тимофеевну и Песецкого не обижаться на мою перестраховку.

Марков положил перед Михаилом Ивановичем записку. Михаил Иванович пробежал ее глазами.

— Правильно, мы это сделаем, не откладывая в долгий ящик. И кстати, на завод к Ильичеву полезно проехаться и трупке Агаркова. Перейдем ко второму вопросу: как у нас с финансированием.

Поднялся Сорокин, начальник планового отдела, костлявый, желчный, похожий на Кащея. Не торопясь, послунив желтые прокуренные пальцы, он раскрыл пухлую папку и стал перечислять все статьи расхода по объекту. Он любил говорить обстоятельно, не считаясь с нетерпением слушателей. Из его слов явствовало, что средства по объекту израсходованы полностью.

— Какой у вас остаток по другим темам?

Сорокин назвал цифры.

— Так вот, разложите нужную для Корсакова сумму на начальников отделов пропорционально их резервам, и на эти деньги будем работать. Имейте в виду, Николай Савельевич, отделы вам помогут, но экономьте каждую копейку, пока Москва не утвердит новый объект. Переходим к самым трудновоспитуемым — снабжение и мастерские. — Он перевел взгляд на Марченко. — Я не буду издавать приказа, объявлять заказы Корсакова первоочередными или сверхсрочными, ибо народ вы тертый и всегда сумеете доказать, что тот или иной материал фондирован, а фонды не спущены, или

литейщиков седьмого разряда нет и так далее... Так что дело не в приказе и даже не в вашем исполнении. Тут нужно больше. Надо, чтобы вы загорелись желанием побить американский прибор...

Николай слушал и почему-то все время думал про Юру — как парень обрадуется! Сам он чувствовал себя просто оглушенным размахом событий.

Посещение завода воодушевило всех участников поездки. Мысленно Николай жалел, что не мог поехать с ними. Они вернулись оттуда полные восторга. Из их слов Николай представил себе, как далеко за это время продвинулся монтаж машины. Ему привезли привет от Ильичева и Совкова. Ильичев обещал приехать в институт и вскоре выполнил свое слово. Он привез с собою ящик с радиолампами, изоляционными материалами, арматурой — дань вездесущему Марченко с его тонким знанием человеческих сердец.

Ильичев поздоровался с Николаем как со старым знакомым, не замечая его смущения. Николай сам не мог понять своей застенчивости, словно он обманул в чем-то Ильичева, похвастался, а теперь переложил тяжесть забот на плечи Михаила Ивановича.

Ильичев, осматривая прибор от одного узла к другому, не успокаивался, пока не получал исчерпывающего ответа. Особенно интересовался он эксплуатационными качествами. Николай предпочел бы, чтобы его спрашивали о теоретических основах прибора, но Ильичев мягко, настойчиво возвращал его к будущим условиям работы регулятора, и мало-помалу Николай даже стал мрачнеть.

— Этого я не предусмотрел, — признавался он.

Поляков укоризненно прищелкивал языком, как бы говоря: «Вот видите, туманно все это, весьма туманно!»

Ильичев жмурился, почесывал бороду, пряча одобрительную усмешку. Выяснив, что регулятор не имеет блокировки, он задумался.

— Скажите, как у американцев решен этот вопрос?

Николаю помнилось, что там ее тоже нет, но для уверенности он попросил позвать Песецкого.

Песецкий поздоровался, по-военному щелкнув каблуками, и подтвердил, что у американцев блокировка отсутствует.

— Разумеется, — сказал Ильичев, — блокировка подчеркивает возможность выхода из строя регулятора при аварийном режиме. Великолепное оружие для конкурирующей фирмы! Нам с вами некого

обманывать. Я думаю, имеет смысл поставить электроблокировку, а? Как ваше мнение?

Песецкий метнул глазами на Николая.

— По-моему, проще и дешевле поставить механическую блокировку.

Ильичев подмигнул Михаилу Ивановичу.

— Ваше воспитание? А? Дешевле! — повторил он, любясь понравившимся словом.

Взглянув на часы, он заспешил и отказался осматривать «американца».

— Лучше выясним, чем можно вам помочь. О чем задумались, Николай Савельевич?

— Нет, ничего, — встрепенулся Николай. — Так вы говорите, что подобные аварийные режимы возможны?

— Вполне. — Ильичев еще раз пояснил свою мысль.

Николай резко встряхнул головой, как от мошкары, отмахиваясь от каких-то сокровенных мыслей, и, вытащив связку чертежей, попросил Ильичева помочь с цветным литьем.

После отъезда Ильичева к нему подошел Песецкий. Барабня по краю стола пальцами, он начал разговор, видимо, давно приготовленной фразой:

— Николай Савельевич! Дело, которое вам поручено, выше наших взаимных обид... Ну, словом, мы с Анной Тимофеевной хотим или просим, нет — мы обязаны помогать вам по вечерам.

Николай смотрел на его чуткие, сильные пальцы, нервно прыгающие по столу, и молчал.

— Вы только не подумайте, — торопливо продолжал Песецкий, и было понятно, что он боится, как бы Николай не остановил его, и оттого бросал фразы неконченными. — Это не из-за того, что вы добились успеха и теперь, мол... Нам с Анной Тимофеевной не раз уже хотелось сказать вам, да вот... Понимаете, разве изменилось что-нибудь из-за того, что мы сделали американскую модель, — нового-то мы ничего не создали. У меня нет удовлетворения, Николай Савельевич. Я никак не могу выразить...

Николай взял его руку и сжал в ладонях.

— И не надо. Я очень рад, что вы оба вернулись. Я тоже виноват перед вами.

Они хотели еще очень много сказать друг другу и смолчали, потому что никакими словами нельзя выразить то, что передается крепким рукопожатием.

За полминуты до удара в часах что-то щелкало, шипело, и невидимый молоточек ударял в гонг. Часы аккуратно отбивали каждые тридцать минут, а Николаю казалось, что они бьют непрерывно. Он проклинал их за тупую, безучастную аккуратность. Стоило зазеваться — и часы показывали полдень. Прежде они вели себя совершенно иначе. Они скромно, неслышно тикали, на них можно было не смотреть целый день, и они ничем не выдавали своего присутствия.

График, составленный Николаем, срывался. На одном участке часы его обгоняли, на другом не поспевали, и то и другое одинаково нарушало задуманную слаженность.

Михаил Иванович посоветовал Николаю отказаться от графика.

— Это тебе не завод, — сказал он. — Разве можно заставить инженера разработать какое-нибудь уплотнение к шестнадцати часам? Лучше собирай ежедневно диспетчерскую десятиминутку и выясняй, где затирает, кому помочь, откуда что взять.

Михаил Иванович вникал во все организационные дела, уча Корсакова и других руководителей искусству администрирования, превращая бригаду Корсакова в образцовую.

Как-то заглянув поздно вечером в лабораторию, Михаил Иванович рассердился.

— Ты почему здесь торчишь?

Николай объяснил, что надо выписать наряды. Михаил Иванович сгреб в охапку пачки розовых нарядов, повертел в руках.

— Ты должен эту писанину проверять, а не составлять. Воображаешь, что никто, кроме тебя, не справится? Да приспособь ты того же Юру или Люду. — Он неодобрительно посмотрел на Николая и, заметив его осунувшееся, бледное лицо, подумал: «Лето кончается, а парень позагореть не успел. Осенью отправлю на юг!» — И вот еще... запрещаю позже восьми часов задерживаться в лаборатории.

— А вы хотели запирать нас в кельи, — смеясь напомнил Николай.

Михаил Иванович скорбно вздохнул.

— Дурное воспитание у тебя, Корсаков, дерзишь начальству, на слове ловишь. Мало ли что хотел. Я помню, как говорил: «Была бы моя власть», а власти над человеческим организмам директорам не дают. Собирайся, я тебя домой подвезу.

В машине он продолжал ворчать:

— Наши инженеры засиживаются до десяти-одиннадцати вечера не из-за денег, — они жадны до работы. И все же между ними скрываются люди, не умеющие использовать свой рабочий день. Ты посмотри на наш рабочий класс. Укладываются ведь с нормой в восемь часов, да еще как! А мы считаем за доблесть сидеть до ночи, надо или не надо. Мы считаем, что если государство дает нам восемь часов отдыха, то мы распоряжаемся ими как хотим. Так, да не так. У коммуниста есть и другие обязанности. Воспитывать детей нужно? Читать литературу, ходить в кино, в театр, помочь жене по хозяйству нужно? А мы часто не выполняем этих своих обязанностей и прикрываемся недостатком времени. Бывают, конечно, авралы вроде твоего, но это редкость. У тебя семьи нет? Вот такие бобыли и портят нам все дело. Смотри, какой вечер чудесный, жаль тебя домой везти, может куда заедешь?

Николай подумал о Тамаре, однако сказал:

— Нет уж, спасибо, везите до дому. От вашей нотации, Михаил Иванович, еще пуще захотелось работать.

Все же в тот вечер он не утерпел и, выйдя перед сном прогуляться, незаметно очутился перед домом Тамары.

В распахнутых окнах горел свет, двигались люди, ветер вздувал туманную кисею занавесок. Николай пожалел, что не знает ни номера квартиры, ни этажа, где жила Тамара. Где-то патефон заиграл вальс, тот самый старинный вальс, который они танцевали с Тамарой в парке. В одном из верхних окон, облокотись на подоконник, полулежала девушка. Николай различил ее силуэт.

— Тамара, — негромко позвал он, — Тамара!

Кто-то, свесясь вниз, озорно отозвался:

— Ау!

Девушка наверху не шевельнулась. Колючие звезды над ее головой украдкой подмигивали. Николай поспешно передвинулся в тень. Шелестящие шары деревьев тянулись к небу, покачивая толстые

тросы стволов. Влюбленные парочки обходили Николая, словно сберегая его одиночество.

Губы его тронула улыбка, вспомнилось, как Тамара фантазировала — поставить парус на Елагин остров и выплыть в залив. Без всякого перехода он подумал: «Отступилась она так легко, потому что чувства-то были неглубокими». Эта нехорошая, никчемная мыслишка давно уже неотступно юлила, как удобное оправдание происшедшему, и вот сейчас он решил разделаться с ней по-честному, в открытую. Пусть Тамара несправедлива, легкомысленна, — его привязанность к ней неизменна. Говорят, любовь многого требует, но и многое прощает. Найти ее, притти и сказать: «Тамара, прости, мы встретились в худую для меня пору, она миновала», — и все. Нет, нет, рано, до этого далеко, прежде надо сполна откупить свой долг. Какая-то совершенно непонятная связь существовала между его работой и судьбой их отношений. И хотя то, за что он боролся, делалось им не для того, чтобы искупить его вину перед ней, все же он не мог предстать перед Тамарой с пустыми руками. Ему мало прощения — ему нужно, чтобы она гордилась им. Ну, а нужно ли это ей? Может быть, она позабыла уже о нем, вычеркнула из своей памяти, как дурную ошибку, мало ли таких случаев бывает в жизни каждого человека! Все равно, он обязан уничтожить горький осадок от их встреч. Пускай, вспоминая о нем, она не считает себя правой. Даже ради того, чтобы когда-нибудь ненароком скользнула — мысль: «А все-таки он был хороший парень!»

Понемногу гас свет в окнах, ночь вступала в свои права. Девушка наверху все еще сидела на подоконнике, вглядываясь в густую тень бульвара, где пряталась скамейка и одинокий человек на ней.

Замечание Ильичева об аварийных режимах не на шутку встревожило Николая. В области высоких скоростей при таких режимах вступали в силу совершенно новые физические явления. Попытки предварительных расчетов ни к чему не привели. Явления эти можно было выявить только при испытаниях собранной модели. Приходилось ждать конца монтажа. Сборка заканчивалась пятнадцатого июля, на семнадцатое намечалась приемка.

Для опробования и наладки в распоряжении Николая оставалось двое суток. Избегая лишних опасений, Николай не стал ни с кем

делиться своими тревогами, тем более что они могли оказаться напрасными.

Томительно тянулись предпусковые часы. Николай, внешне, как всегда, спокойный, слегка неуклюжий, почти сонливый, топтался у стенда, следя за последними приготовлениями. Внутри у него все кипело, он ругал про себя последними словами Юру за то, что тот засунул куда-то большой паяльник. Потом, как нарочно, у стабилизатора напряжения где-то пробился конденсатор, и все ждали, пока найдут новый и заменят; потом ушла Люда и заперла в шкаф одну из монтажных синек.

В общем, как всегда бывает в таких случаях, все мешало, становилось поперек, точно сговаривалось против него. Нужно было напрячь всю силу воли, чтобы держать себя в руках. Попробуй, передай окружающим свое настроение — и тогда в нервной лихорадке не избежать губительных оплошностей.

Испытания прошли отлично. Подобных примеров в истории института не было. Чтобы первое опробование — и без всяких задоронок! Сложный агрегат, с сотнями деталей, новый принцип действия — нет, подобная удача граничила с чудом. Даже те, кто создавали его плечом к плечу с Николаем в горячечной обстановке последних недель, не верили своим глазам. Успех оправдывал придиричиво-дотошную требовательность Корсакова, его неутомимые поиски совершенства. В такие минуты даже усталость, невыносимая усталость служит лишь благородной оправой общему удовлетворению.

Принужденно улыбаясь, принимая поздравления, Николай настойчиво выпроваживал всех из лаборатории. Михаил Иванович сорвал его замыслы. Он решительно приказал закрыть лабораторию.

— Иди, высыпайся, — сказал он Корсакову. — Завтра в двенадцать приглашаем комиссию, ты должен выглядеть как розан.

Наверно, следовало напрямик рассказать Михаилу Ивановичу, что существует еще один аварийный режим, не входящий в программу испытаний, но что-то удерживало Николая.

Пожалуй, это не было малодушием, нет, скорее — не хотелось сразу расставаться с робкой надеждой на то, что все обойдется, оттянуть бы еще немного хотя бы до утра, а впрочем. У него тряслись руки, испарина проступала на лбу, все вокруг стало серым и расплывчатым, как на плохой фотографии, — в таком состоянии он все

равно не мог бы работать. Он успел попросить Песецкого притти утром пораньше, часиков в семь. Все остальное совершал за него какой-то чужой, отделившийся от него, разбитый, измученный человек: возвращался домой, ужинал, стелил постель...

Моторы взвыли, набирая обороты, стрелки приборов поползли вверх. Николай подал условный знак. Песецкий повернул штурвал. Вместе с треском выключателя оборвался перестук регулятора, одна за другой вспыхнули сигнальные лампочки на пульте, рванулись стопоры, пол задрожал от глухих, смягченных амортизаторами ударов. Песецкий поспешно выключал рубильники...

Наступила тишина, как бы прошитая мягким шелестом холостого хода моторов.

— Что такое? Посадка напряжения? — почему-то топотом опросил Песецкий.

Николай вяло усмехнулся.

— Нет, напряжение в порядке, дело в том... дело в том, что на этом режиме регулятор не выдерживает.

Он написал уравнение и объяснил свои предположения. Песецкий силился представить себе физическую сущность явления. Остервенело скребя затылок, он все еще не терял надежды. Сложившаяся в последние недели непоколебимая вера в Николая заставила его думать, что Корсаков знает выход и нарочно предложил ему эту задачу. И Николай, на какое-то мгновение впавший в тупое отчаяние, пришел в себя, исцеленный и пристыженный этой верой в него.

...Трудно сказать, кто из них первый набрел на эту остроумную мысль. Слабая и трепетная, как огонек на спичке, она сверкнула в коротких репликах, и они бережно подхватили ее, не давая угаснуть.

— Компенсатор! Мгновенная компенсация по определенному математическому закону!

Практически компенсатор сводился к сравнительно простому механическому приспособлению. Они попробовали вывести и обосновать его теоретически — у них ничего не получилось. Уравнение оказывалось слишком сложным. Неясно было, удастся ли его вообще решить, даже математикам.

— Ну его к дьяволу, — махнул рукой Песецкий. — Дело ясное, внесем исправление в рабочую модель.

Николай покачал головой.

— Боюсь, что комиссия в таком виде не примет и нам на слово не поверят.

Песецкий чуть не подскочил от изумления.

— Комиссия? Вы что, Николай Савельевич? Комиссия ничего не должна знать. Ни в коем случае. Вы забыли, что в комиссии Арсентьев?

— Всю модель разобрать, валы перетачивать... — размышлял вслух Николай, — две недели, не меньше!

— Конечно, и все зря. У нас с вами безошибочный инстинкт, мы нутром уверены, что скомпенсируем, а им надо представить расчетики. Повозились бы они с наше, тогда заговорили бы нашим языком... Вот что, Николай Савельевич, — сказал он, — я понимаю, вы руководитель и так далее, давайте я всю ответственность за этот режим возьму на себя. В случае чего...

— Как вам не стыдно!

— Чего мне стыдиться, вы второй раз, Николай Савельевич, хотите растоптать...

Николай встал, кожа на лице его обтянулась, выделяя каждую кость.

— А вы второй раз хотите совершить ошибку, Песецкий.

К счастью для Песецкого, Николая позвали к телефону, — звонил Поляков.

— Как у вас там, Николай Савельевич? Комиссия собирается. Наведите, пожалуйста, чистоту. Столы застелите, что ли, — как говорится, товар лицом.

— Хорошо, — сказал Николай и с размаху швырнул трубку на рычаг. Юра, беззаботно болтавший с Людой, даже попятился от него, когда он налетел на них с криком:

— Прекратить болтовню! Наведите лучше чистоту, столы застелите, что ли...

Александр Константинович, здороваясь, задержал его руку; знакомый запах одеколона и трубочного табака защекотал Николаю ноздри.

— Похудели, постарели вы. — Старик с веселым удивлением оглядывал Николая. — Но, знаете, я не огорчаюсь, нет, так и надо. Вот нас с вами уже не заставишь ни похудеть, ни постареть, — сказал он,

смеясь, своему спутнику. — Познакомьтесь, пожалуйста: Андреев Петр Федорович, начальник технического отдела главка, а это Корсаков.

— Очень рад, — флегматично сказал толстый, коротконогий человек, с трудом нагибая вросшую в плечи голову.

Ильичев приехать не смог и прислал своего заместителя, добродушного, розовощекого инженера. Администрацию института представлял Арсентьев. Михаил Иванович пояснил Николаю свой выбор:

— Мы к себе должны быть самыми требовательными, а Арсентьев, насколько я понимаю, тебе скидки не даст.

Арсентьев держался с подчеркнутой официальностью: прежде чем задать вопрос, он спрашивал разрешения председателя комиссии, сверял проектные чертежи с исполнительными, — процедура, которой избегали во время приемки; методично, пункт за пунктом, проверял программу испытаний. Его поведение обескуражило добродушного представителя завода и создало какую-то неприятную натянутость.

Александр Константинович, о чем-то мирно беседовавший с Андреевым, вдруг замолчал и, приставив ладонь к уху, обратил все внимание на Арсентьева. Выждав паузу, он спросил Корсакова:

— Скажите, Николай Савельевич, какие дополнительные испытания вы ввели в связи с повышением скорости?

Николай перечислил.

— Где же аварийные режимы?

Николай почти физически ощутил, как Песецкий вцепился ему в лицо умоляющим взглядом.

— Они не вошли в ТТЗ, и поэтому комиссия может их сама назначить.

«А ведь не заметят», — подумал он, и что-то озорное, мальчишеское мелькнуло в его глазах.

Может показаться смешным, но именно сейчас, в присутствии комиссии, сидя за пультом и демонстрируя свой регулятор, Николай обрел возможность глядеть на него со стороны, глазами приемщиков, и впервые оценить по достоинству его качества. Он испытывал его сам для себя, он гонял его без пощады сквозь самые рискованные пределы; вой моторов становился угрожающим, стрелки приборов дрожали у

красных черточек, масло начинало выплескиваться, горячий ветер ходил по лаборатории.

Утопая головой в плечах, сложив пухлые руки на животе, Андреев, казалось, дремал; лишь временами Николай замечал живой блеск его черных глаз.

— Превышение двадцать пять процентов! — крикнул Николай.

Андреев с неожиданным для всех азартом хватил ладонью по столу.

— Давай еще!

Этот простецкий непосредственный возглас сразу сломал хрупкий ледок официальной обрядности.

Все вскочили со своих мест, столпились у пульта, крича вперебой, стуча ногами.

— Давай еще!

— Тридцать процентов!

— Жми, Николай!

... — Смотрите, смотрите!

— Тридцать два!

— Еще, милый!

— Александр Константинович, а температура?

— Нормальная.

— Леший с ней!

— Тридцать три!

— Не может быть, тридцать три? Вот это да... Товарищи, тридцать три процента с первого раза!

...Переждав, пока уляжется общее волнение, Николай вышел из-за пульта и оперся на спинку стула. Руки его дрожали. Он откашлялся, расправил плечи, пошире расставил ноги, упрямо наклонил голову, как бы готовясь к драке. Громко отчеканивая слова, он рассказал о неудаче одного из аварийных режимов. Ему не поверили. Он продемонстрировал его. И, не дожидаясь ничьих высказываний, объяснил сущность намеченной компенсации. Он заверял комиссию, что компенсатор, установленный на рабочем образце, обеспечит работу регулятора в любом режиме. Он просил принять опытную модель с указанием на необходимость установки компенсатора.

Наступила неловкая, тягостная тишина. Николай выпрямился и смело, по очереди, обвел глазами лица сидящих перед ним людей.

Горестная обида и разочарование делали их схожими, даже замороженные черты Арсентьева дрогнули, в них проступила искренняя человеческая досада.

— Имеется ли у вас доказательство возможности подобной компенсации? — спросил Арсентьев, справившись с тем, что он, очевидно, считал своей слабостью.

— Нет, таких доказательств нет. Предположение имеет интуитивный характер, и их торопливые попытки найти математическое обоснование пока не увенчались успехом.

— Чепуха! — ободряюще сказал Попов.

Арсентьев холодно продолжал:

— Разрешите мне усомниться в ваших заверениях, Николай Савельевич... Известно, что ни один из фирменных регуляторов не имеет подобной и вообще какой-либо компенсации для аналогичных режимов. Я не хочу подобной ссылкой дискредитировать вашу интуицию, однако мне представляется вполне разумным избежать на сей раз свойственной молодости поспешности и обосновать теоретически, а затем проверить на опытной модели действие вашего компенсатора.

— Для малых скоростей компенсация не нужна, — напомнил Попов.

Арсентьев учтиво поклонился.

— Совершенно верно, она не является жизненно необходимой, но заметно улучшает качество работы. Отсутствие компенсаторов заставляет думать, что решение этого вопроса не так просто, как кажется Николаю Савельевичу.

Попов хотел было возразить, но его остановил Михаил Иванович.

— Подождите, Александр Константинович, вы согласны, что, внося элемент риска в рабочую модель регулятора, мы подвергнем ненужной опасности машину Ильичева при ее опробовании?

Попов кивнул головой.

— Тогда я решительно поддерживаю Леонида Сергеевича. Советский прибор не должен иметь изъянов. Патриотизм начинается со своей лаборатории, со своего института. Наш НИИ не имеет никакого права выпускать прибор низкого качества. Пусть мы его задержим, но зато он будет стопроцентным...

— Что же вы будете сдавать? — спросил Андреев.

— Сдадим «американца», на скоростях ТТЗ он хорош и безопасен.

— Мы повысили его скорости на десять процентов, — поспешно вставил Агарков.

— И это, если не ошибаюсь, предел? — спросил Михаил Андреевич.

Агарков утвердительно кивнул.

— Молодцы, — с невеселой усмешкой сказал Михаил Иванович, — следовательно, вы доказали, что он для машины Ильичева никуда не годится. Молодцы! — повторил он, любясь оторопелым видом Агаркова. — Ваш регулятор — это наша вынужденная посадка.

— Ох, и хитрый ты мужик, Михаил Иванович. На два метра в землю видишь. Я сдаюсь! — развел руками Андреев.

Спускаясь в машинную лабораторию, где стоял американский регулятор, Михаил Иванович подхватил под руку Николая.

— Никак ты загрузил? Не похоже на тебя, ведь это не поражение, а задержка на довооружение.

Николай и впрямь загрустил, он сел в стороне, в сумрачном прохладном зале машинной лаборатории, безучастно следя за тем, как Агарков возился у сверкающего никелем и лаком харкеровского регулятора.

Он несколько оживился, когда при проверке повышенной скоростью Агарков, отвечая на вопрос представителя завода, заявил:

— Как видите, даже этот регулятор, получивший золотую медаль на выставке, не гарантирован от качаний и не имеет никакой компенсации. Неизбежное зло.

— Неизбежное?.. — резко переспросил Андреев. — Разве у вас есть доказательства, порочащие идею Корсакова? Простите за грубость, товарищ Агарков, так пристало говорить коммивояжеру фирмы «Сперфи», а не советскому ученому. Складывается впечатление, что для вас Корсаков конкурирующая фирма, которую вы стремитесь охаять, — Он, скрипя стулом, грузно повернулся к Арсентьеву, словно призывая разделить свое возмущение. — Это вместо того, чтобы гордиться успехами своего коллеги и помогать ему... Впрочем, вряд ли нам чем-нибудь может помочь человек, парализованный блеском американской золотой медали.

Арсентьев удрученно молчал.

— Позор, — с возмущением сказал Марков, наклоняясь к Михаилу Ивановичу. Они сидели впереди Николая и говорили вполголоса, так что только Николай слышал их.

— Агарков поет с чужого голоса, — продолжал Марков. — Тут корень в Арсентьеве.

— Гнилой корень. Его выдернуть к чорту, чтобы не заражал остальных, — сказал Михаил Иванович.

— Выдернуть и куда? Поступит в другой институт, и пройдет немало времени, пока его там раскусят. Так поступить, это называется — умыть руки. Арсентьев достаточно умен, чтобы разобраться в своей ошибке, если он этого захочет. Полнуйся на него. Что осталось от его самоуверенности? Полный провал. Полный крах. После этого либо надо подавать в отставку, либо честно сознаваться в своих ошибках. По-моему, он выберет второе. И если это будет искренне, то для нашего коллектива это окажется полезнее и убедительнее, чем твой самый строгий приказ.

— Согласен, но знаешь, чем питаются заблуждения Арсентьева? Его оторванностью от производства. До тех пор, пока его не столкнут с жизнью, он будет таить в себе вот это лакейское почтение к заграничным клеймам.

Марков усмехнулся.

— Вот видишь, следовательно существует лекарство от этой болезни.

— Пожалуй. Только дозу, согласись, надо прописывать не гомеопатическую. Отстранить его от руководства отделом как минимум.

Широкая спина Михаила Ивановича согнулась еще ниже. Николай понимал, как переживает Михаил Иванович свою близорукость по отношению к Арсентьеву, неудачу Корсакова, всю эту позорную и тяжелую историю с американским регулятором. Ни жалкая растерянность Агаркова, ни полное разоблачение Арсентьева уже не доставляли Николаю никакого удовлетворения. Что бы там ни последовало, а принимали пока все же регулятор Харкера. И виноват в этом прежде всего он, Николай Корсаков.

В это время ему подали записку, он развернул ее и прочел: «Наш компенсатор может быть установлен на „американце“. Не разбирая, прямо снаружи, гораздо проще, чем на нашей модели, потому что

скорости здесь меньше ннннаших (далее следовал торопливый чертеж). Качество регулирований улучшится, вопреки пророчествам Арсентьева и К°. Хорошо, что они настолько загипнотизированы Харкером, что не догадываются. Песецкий».

Николай с налета ухватил гениально простой, с точки зрения конструктора, замысел Песецкого, вынул карандаш, рука его нерешительно повисла в воздухе.

«Нет, нет, придется все-таки тебя проучить с твоими секретами, — подумал он, — некоторые породы деревьев выигрывают от обрезания ветвей». Он зачеркнул в записке две последние фразы, надписал сверху: «Тов. Агарков!» Получилось: «Тов. Агарков! Наш компенсатор может быть установлен на „американце“»... и так далее, до слов: «качество регулирования улучшится, вопреки пророчествам Арсентьева», и сразу подпись: «Песецкий». Снова аккуратно сложил ее, для верности еще раз написал наискосок: «Тов. Агаркову» и попросил передать.

Выйдя на лестницу, он расхохотался, предвкушая ярость Песецкого. Потом снова надвинулось непоправимое, совершенно безысходное чувство вины перед всем институтом. Чтобы никому не попадаться на глаза, он остаток дня провел в технической библиотеке. Когда он вернулся к себе, в лаборатории уже никого не было. Регулятор стоял закутанный в чехол, пол был подметен, столы прибраны, только на черной доске остались столбики формул, аккуратно выписанные рукой Арсентьева, — видимо, уборщица не решилась смыть их.

Он не слышал, как в комнату вошли. Это были Сорокин и Марченко.

— Вот он, столп науки, — сказал Марченко, — к ногам которого я складывал добытые фондированные материалы. Эх, Корсаков, Корсаков!..

— Погоди ты, — сказал Сорокин. — Как же это у вас получилось, Николай Савельевич?

После совещания у директора оба они с энтузиазмом взялись помогать Николаю. То ли проникновенные слова Михаила Ивановича, то ли возможность перещеголять «американца» задела их за живое. Сорокин изворачивался ужом, выкраивая для Николая новые и новые средства. Марченко названивал каждое утро, спрашивал, что еще

нужно. Он загонял своих агентов и проявлял чудеса щедрости. Вместо одного комплекта ламп он присылал два — «про запас»; когда Николаю понадобился кусочек кобальтовой стали для магнитной системы, Марченко высмеял его: «Да это разве сталь! Я вам достану „магнико“. Вы знаете „магнико“? Нет, вы не знаете „магнико“, из него магнит в два раза сильнее, чем из кобальта. Михаилу Ивановичу ни гугу!» — шептал он, делая страшные глаза.

— Для меня это несущественно, — уверял Николай.

— Как так? Неправильно! — огорчился Марченко. — Чем меньше объем, тем изящней. Про изящество-то вы забыли?

Они оба часто забежали в лабораторию справиться, как идут дела. Ни тот, ни другой никогда до сих пор за сухими сводками выполнения плана, за суматохой снабженческих дел не чувствовали так вещественно своего участия в создании прибора, как на этот раз. Марченко любил заглядывать во внутренность регулятора и горделиво, прищелкивая языком, кричал:

— Вот они где, вольтметровые переключатели, — стоят, молчат и никому не расскажут, чего стоило мне вытеревить их на «Электропульт».

Да, эти люди имели право потребовать у него сегодня ответа.

— Эх ты, простофиля, Корсаков! — все более огорчился Марченко. — Разве плохо получилось бы, если бы ты ничего не сказал комиссии? Приделал бы свою штуку к рабочей модели — и порядок!

— Не слушай его, Николай, — сказал Сорокин, — это кошмарный тип вырождающегося снабженца. При коммунизме таких не будет.

Пытаясь несколько оправдаться за свою неудачу, Николай рассказал про записку Песецкого.

Марченко всплеснул руками.

— Ну и дурак, подарил им компенсатор, шиш бы они у меня увидели. — Он выругался.

Сорокину тоже не понравилось это благородство. Его костлявое, щучье лицо покрылось красными пятнами.

— Я не желаю быть жертвой науки, — шумел Марченко. — Я коммерсант, я вложил сюда свой труд, свой капитал и требую прибыли, я из дела не желаю выходить. Складывать оружие нельзя.

— Чего ты кипятишься, что ты сюда вложил? — высокомерно спросил Сорокин. — Все равно, участь твоя неизменна: доставай,

выменивай. Вот у меня другое дело: если регулятор не выйдет в ближайший месяц, все расходы пойдут в прямой убыток.

— А ты дашь денег продолжать работу? — спросил Николай.

Щучье лицо Сорокина еще гуще покрылось пятнами.

— Не твое дело, — буркнул он.

— Если бы ты не был таким костлявым, Сорокин, я бы тебя обнял, — вскричал Марченко. — Нет, серьезно, Корсаков, не вздумай падать духом, этого мы тебе не простим.

— Первая машина пойдет с «американцем», — сказал Николай, и мгновенная, острая жалость стеснила его сердце при этих словах. — Ну, а на второй будет стоять наш с вами регулятор.

— Наш! — повторил Марченко. — Слышишь ты, Кащей бессмертный, наш!..

По предложению Александра Константиновича Попова, компенсатор для американца было поручено рассчитать Семену Родину. Остроумна комбинация Песецкого и ограниченные возможности харперовского образца позволили легко оправиться с расчетом. Передав его через два дня конструкторам, Семен решил рассчитать компенсатор и для регулятора Корсакова. Зная, что Николай отложил расчеты до изготовления компенсатора в мастерской, он хотел приготовить ему сюрприз. Задача оказалась трудной. Углубляясь в теорию регулирования, сталкивая ее с характеристиками корсаковской модели, Семен убеждался, что многое из его прежних взглядов нуждалось в пересмотре. Это были взгляды Арсентьева, укоренившиеся в институте, свившие себе гнездо и в практике заводских расчетов. Истоки их уходили в методику ведущих американских фирм. При больших скоростях они вступали в противоречие с опытом. Семен зарывался в расчеты, отложив свою текущую работу...

Регулятор отвезли на завод, за ним для заключительной наладки уехала бригада Агаркова.

У Семена в натуре, кроме громадного количества взрывчатых веществ и адского трудолюбия, была заложена изрядная доля сентиментальности. Улучив момент, когда Николай отлучился из лаборатории, он положил тетрадку со своими расчетами компенсатора к нему на стол. Наискосок обложки он написал: «Прими от меня не в

знак дружбы, — она у нас не нуждается в подарках, — а как помощь в твоей работе». «По ровному месту человек весь свой век пройдет, а так своей силы и не узнает. А случится ему на гору подняться вроде нашей, с гребешком, он и поймет тогда, что он сделать может». П. Бажов. Васина Гора.

Дверь его лаборатории приходилась против двери лаборатории Николая. Прислонясь к косяку, он ждал. Матовое стекло скрывало от него коридор, разделяющий их, однако он узнал знакомый звук шагов. Хлопнула дверь. Семен представил себе, как Николай подходит к столу, берет тетрадь, перелистывает ее, как счастливо ерошит свои жесткие курчавые волосы. Что-то защемило в носу. Семен снял очки и, растерянно улыбаясь, потер глаза рукой.

Им достались в вагоне места спиной к ходу поезда.

— Пойдем на площадку, — предложил Николай.

— Это еще зачем? — опросил Семен.

Николай покраснел, наклонился к уху и прошептал:

— Не хочу сегодня смотреть на уходящее, давай смотреть, что бежит нам навстречу, из будущего.

Они вышли в тамбур и, распахнув двери, примостились на подножках вагона. Их продувало со всех сторон ветром, забрасывало паровозной гарью, зато они смотрели вперед. Разорванные клочья дыма нежно окутывали верхушки деревьев, неразлучным спутником скользили волны телеграфных проводов. Молодые березки выбегали из темного леса и забирались по откосу к самой насыпи.

— Если определять срок жизни человека не по числу прожитых лет, а по делам его для народа, то советские люди решают проблему долголетия, — мечтательно заметил Николай.

— Что ты говорил? — спросил Семен, не расслышав.

— Я говорю, — крикнул Николай, — что нам с тобою удалось создать хороший регулятор, и, если бы не ты, моей интуиции грош цена.

— Почему?

— Потому, что мы знаем отныне общий закон для новых регуляторов.

— Ну, это не скоро.

— Как сказать.

— Давай посмотрим ее еще разок.

— Давай.

И они, в который раз, любуются длинной глянцовой, еще влажной фотографией — это осциллограмма колебаний, заснятая сегодня утром на регуляторе Корсакова после установки компенсатора.

— Покажи ее завтра на партсобрании.

— Обязательно, и я покажу им еще портрет мистера Харкера.

Он осторожно вынимает из бумажника измятую, затрепанную бумажку.

Семен разыгрывает ужас.

— Ты знаешь, он... он перестал улыбаться!

— Еще бы, — смеется Николай, — я ему еще устрою приятное соседство. — И он злорадно укладывает вырезку в бумажник рядом с осциллограммой. — Теперь я могу быть спокоен: мистеру Харкеру есть о чем беспокоиться.

Они долго молчали.

— Семен, если там будет Тамара, я вас познакомлю.

— Судя по твоим рассказам, она мне не нравится, она верхоглядка. — Семен не может говорить спокойно, ему обязательно надо размахивать руками, он чуть не сваливается с подножки.

— Возможно, — отвечает Николай и мысленно договаривает наперекор себе и Семену: «А все-таки я ее люблю».

Они сошли на маленьком, безлюдном полустанке и с трудом отыскивали дорогу на полигон. Узкое шоссе ныряло в солнечную зелень рощи. Николай взглянул на часы. Испытания машины Ильичева начались два часа тому назад.

Николай заискивающе попросил:

— Сенечка, милый, давай пробежимся.

— Ты в своем уме? Три километра!

— Всего три тысячи метров! Помнишь физкультуру: три тысячи — пятнадцать минут.

— У тебя плохая память, — обиделся Семен. — Я никогда не посещал физкультуры, у меня было освобождение.

— Ну, ладно, неси тогда мой пиджак.

Николай бежал, набирая ход; просвечивающая через листву солнечная рябь плескала ему в лицо, лизала грудь и руки. Он давно уже не был за городом, и свежий, буйный воздух полей захлестывал

дыхание. Николай начал задыхаться, но пересилил себя и продолжал бежать, ожидая второго дыхания. Оно пришло, оно всегда приходит, если не остановишься, не перейдешь на шаг. И вслед за ним возникала радость быстроты, где в легком ритме соразмерны взмах руки и движения ног, где каждый мускул толкает вперед.

На бескрайнем травяном просторе полигона куча людей представлялась издали маленькой, и, лишь приблизясь, Николай различил, как много здесь собралось народу. Он узнал нескольких мастеров из сборочного цеха, инженеров...

Еще не видя ее, он почувствовал, что Тамара здесь. Она стояла вместе с Анной Тимофеевной в плотной толпе, окружившей машину. Он хотел протиснуться к ним, но его окликнули. Он обернулся — ему махал рукой, подзывал к себе Ильичев. Он был в парадном мундире, со множеством орденов. Рядом с ним прогуливались Михаил Иванович, Попов и Агарков. Николай поздоровался со всеми.

— Не уважаешь, опоздал на два часа двадцать минут, — пожурил Ильичев.

— Все в порядке? — спросил вполголоса Николай у Агаркова.

Тот хмуро кивнул головой.

Испытания кончились, комиссия проверила пломбы и снимала показания приборов. Уже стало известным, что регулятор давал возможность набирать скорость не выше, чем на пятнадцать процентов сверх заданной. В машине оставался еще большой, неиспользованный запас возможностей, и настроение у всех было подавленное.

Из-под машины вылез рослый, широкоплечий парень, не разгибаясь стал чистить колени, перепачканные глиной. По ярости, с какой он тер комбинезон, видно было, что его досада относилась к чему-то другому, гораздо более важному. Когда он выпрямился, чтобы поправить сползающий берет, Николай узнал Совкова.

Инстинктивно, не отдавая себе отчета, Николай попятился за Ильичева и Михаила Ивановича. Ему было стыдно и страшно встретиться с Совковым. Но еще постыдней было трусливо прятаться за чужие спины.

Он пересилил себя и подошел к Совкову. Десяток шагов по ровному полю, а тяжелей, чем забираться на крутую гору.

— Здравствуйте!

Совков с минуту стоял неподвижно, видно смирив накопившуюся досаду, потом сдернул берет и низко поклонился.

— Спасибо вам, Николай Савельевич, от имени всех наших комсомольцев — спасибо. Удружили.

Николай широко улыбнулся. Страх его перед Совковым исчез. Что значили эти обидные слова по сравнению с тем чувством неоплатной вины перед заводом, которую нес на себе Николай со дня неудачной приемки регулятора. Кто мог лучше него самого понять весь позор совершенной ошибки? И то, что он понимал ее и знал, что она никогда не повторится, преисполняло его спокойным сочувствием к словам Совкова. Он был даже доволен, что Совков сердится, — они тем самым становились единомышленниками.

— Правильно, Совков. Цена моей ошибки велика, — сказал Николай, — и я сделаю все, чтобы откупить ее. Я получил хороший урок, и теперь дело за вами, коллега.

Совков пожал плечами. Интересно, каким, боком его собираются припутать к этой истории?

Пробиваясь сквозь хмурую настороженность, сквозь обиду и недоверие Совкова, Николай пытался передать ему то чудесное простое открытие, которое вздымало его на гребень неведомых доселе мыслей, вздымало слитыми воедино дружескими усилиями Анны Тимофеевны и Ильичева, Маркова и Родина, Михаила Ивановича и Тамары.

— Наука — это знание плюс творчество. Я считаю вас ученым, Совков, с того дня, как вы стали творить. Мы с вами коллеги и не имеем права работать врозь. Наука не кончается в лаборатории — она там начинается. Если бы мы с вами с самого начала работали вместе, мы бы сразу отвергли путь Харкера. Отныне мы должны быть вместе. Мы — это не только Совков и Корсаков.

Совков долго молчал, тщательно вытирая паклей каждый палец.

— Согласен, Николай Савельевич, иначе нельзя, — сказал он и снова нахмурился. — А что же все-таки будет с регулятором?

«Молодец, — подумал Николай, — согласиться он готов, а чтобы поверить — дело ему подавай».

— Пойдемте, — сказал он.

Они вернулись к группе, окружавшей Ильичева.

Стараясь не нарушать торжественности ожидания результатов, Николай тихонько тронул за рукав Александра Константиновича, отвел его в сторону.

— Вот, — хрипло оказал он, подавая осциллограмму.

Александр Константинович томительно долго вглядывался в легкую, сглаженную зыбь кривой. Его лохматые, седые брови поднимались все выше, выжимая новые складки на высоком лбу.

— Ильичев, — зычно крикнул он, — взгляните лучше на будущее, это интереснее.

Он протянул Ильичеву фотографию.

И если бы пришлось пережить еще столько же горьких разочарований, неудач, обид и трудностей, чтобы увидеть такое подлинное высокое счастье на лице Ильичева, — Николай, не раздумывая, согласился бы.

— Сто семьдесят процентов от ТТЗ! Смотри от какого ТТЗ, — загадочно возразил сам себе Ильичев. — Сто семьдесят процентов! — повторил он восхищенно. — Никак нас с тобою, Совков, опять начали обставлять.

— Тише, тише! — закричали кругом.

Оглашались результаты испытаний; потом на лестничку, прислоненную к машине, поднялся Андреев и сдержанно поздравил от имени правительственной комиссии коллектив института. Читая по бумажке, он называл имена Михаила Ивановича, Песецкого, Родина, Анны Тимофеевны, и каждое имя сопровождалось дружными хлопками. Николай жалел, что Семен опоздал и не слышал предназначенных ему аплодисментов.

Михаил Иванович шлепал себя платком по вспотевшему лицу, словно прикладывал пресс-папье к бумаге, и вздыхал:

— Заводские хлопают потому, что тактичные люди, а на самом деле злы на нас, как черти: шутка сказать — десять процентов недотянули.

Николай, слыша его слова, подумал, что, пожалуй, Михаил Иванович прав.

Он не заметил, как к нему подошла Тамара. В ее черных глазах блестели дрожащие капли света.

— Почему они не упомянули тебя? — спросила она. — Это несправедливо, мне Анна Тимофеевна все рассказала, ведь ты...

— Как тебе не стыдно! — сказал он и взял ее за руку.

— Ты не честолобив, это очень плохо, — печально отозвалась она.

Он, улыбаясь, повел головой.

— Нет, я честолобив и поэтому не хочу быть выучеником какого-то Харкера.

Она что-то хотела возразить, но на них зашикали.

На лесенку поднялся Ильичев.

— Товарищи просят меня сказать несколько слов, — устало начал он. — Я вместе с вами радуюсь благополучному завершению нашего труда, только давайте на будущее будем больше думать о нем, о будущем. Меня, конструктора, признаться откровенно, вот эта машина, — он стукнул каблуком по корпусу, — интересует как история. Разве это машина? На нашем заводе треть рабочих выполнила план будущего года. Раз они работают в будущем, они должны делать машины будущего. Среди вас есть человек, который бросил мне сегодня вызов, — он сделал регулятор завтрашней машины. Я принимаю его вызов. Директор института Михаил Иванович любит утверждать, что нельзя быть настоящим патриотом родины, если не любишь своего города, своего института, своей работы. Это очень правильно, только я хочу добавить — надо быть патриотом и своего века. На Западе люди вздыхают: «В какое ужасное время мы живем!» А мы с вами любим наш век, он очень трудный, решающий и от этого прекрасный. Именно потому, что наше будущее за нас, мы делаем его настоящим.

Он нагнулся и взял из рук своего заместителя белую папку, поднял высоко над головой:

— Я хотел сегодня торжественно вручить новое ТТЗ Николаю Корсакову, а он сорвал всю церемонию тем, что уже — выполнил его. Ну что ж, я не в обиде за такой подвох. Я желаю всем присутствующим, всему вашему институту шагать своей дорогою, не путаться по чужим следам да тропинкам! Там другие скорости, а нам надо создавать приборы для своих скоростей, чтобы никому не угнаться за нами; да и дороги-то у нас для этих скоростей подходящие. Вы знаете, какие дороги я имею в виду, — дороги к коммунизму!

Николай все ниже опускал голову, избегая обращенных к нему взглядов.

Ильичев легко спрыгнул с лестнички и сразу же подошел к Попову.

— Не слишком ли я захвалил вашего питомца, Александр Константинович?

— Закалка основана на резких изменениях температуры, — пробасил профессор.

На повороте шофер затормозил, нетерпеливо подавая гудки. Впереди, занимая все узкое полотно шоссе, распевая песню, шли двое мужчин и посредине девушка. Они обернулись.

— Тамара, неужели мы их пропустим вперед? — спросил Николай.

Тамара широко расставила руки.

— Как бы не так.

— Нехай едут, — милостиво сказал Семен, — иначе им не угнаться за нами.

— Подвезем их, Михаил Иванович? — спросил Ильичев.

— Этих разбойников с большой дороги? Ни за что! — с угрюмой нежностью ответил Михаил Иванович. — Пусть пешком идут, у них ноги крепкие.

Вариант второй

Рассказ

Профессор Сазонов был тяжело болен. Александр никак не ожидал, что старик согласится дать отзыв о диссертации, больше того — даже сам позвонит ему об этом по телефону. Тут было чему порадоваться. Сазонов считался одним из лучших специалистов в стране по выпрямителям тока.

Профессор жил в трехэтажном доме в глубине старого институтского парка. Дом выходил окнами в поле, где до войны был спортивный стадион института. Здесь все еще напоминало о войне: окоп на теннисной площадке, блиндажи — полуобвалившиеся, густо поросшие сорными травами.

Поднимаясь по лестнице, Александр часто останавливался, читал на дверных медных дощечках знакомые по институту имена — имена людей, которыми гордилась советская наука.

Дом ремонтировали. В лестничный пролет, как в колодец, спускалось на веревке ведро, во все стороны летели брызги жидкого алебаstra. Сверху кто-то закричал: «Берегись!», и тотчас внушительный голос ответил:

— Для чего орешь? Ну для чего? Я тебе объяснял, кто здесь живет?

— Объясняли, — уныло согласился мальчишеский голос.

— Может быть, ты какого-нибудь ученого человека с мысли сбил своим криком?

Голос был басистый, зычный, он гудел по всем этажам сверху донизу, и Александр рассмеялся от души. Настроение у него было отличное.

Он застал профессора в кабинете, в глубоком кресле, обложенного подушками. Последний раз они виделись еще зимой, и Александр испугался той перемены, которая произошла с Дмитрием Сергеевичем. Перед ним сидел дряхлый, высохший старик. Он не поднялся навстречу, только попросил извинения, что не может встать. Рука,

которую он подал Александру, дрожала. Улыбаясь, некоторое время он наблюдал за смущенным лицом гостя:

— Ну, не будем терять времени, — вдруг сухо сказал он. — Для меня оно теперь весьма подорожало. Что у вас?

Александр попробовал отделаться общими торопливыми фразами. Мысленно он упрекал себя за этот визит, за то, что отягощает больного своими делами, думал только о том, как бы замять разговор, уйти так, чтобы не обидеть старика, не дать ему почувствовать вот этой острой, непроходящей жалости. Между тем Дмитрий Сергеевич заставил его повторить выводы, потребовал подробностей, вопросы его все учащались, и вскоре Александр незаметно для самого себя заговорил так, как может говорить только человек, влюбленный в свою работу.

Он откровенно рассказал профессору о недостатках созданного им прибора. Прибор получился маломощный, кривая выпрямленного тока имела частые пики и провалы. Он рассказал все то, о чем считается совершенно неприктым говорить своему будущему оппоненту и о чем нельзя не рассказать без утайки своему бывшему учителю.

Дмитрий Сергеевич кивнул на диссертацию, и Александр осторожно положил ему на колени еще сырую, пахнущую клеем, в картон переплетенную рукопись. Медленно листал Дмитрий Сергеевич страницы, — каждое движение давалось ему с трудом. И он возражал. Он выговаривал Александру сердито, с тяжелой одышкой; он утверждал, что жалобы его — вздор, что достигнутые им результаты имеют уже безусловную ценность для промышленности.

Потом он рассмеялся:

— Вы не находите, что мы поменялись ролями?

Александр смолчал. Его бросило в краску при мысли, что он может быть заподозрен в желании порисоваться.

Разглядывая в рукописи один из рисунков, Дмитрий Сергеевич вдруг перелистал несколько страниц, заглянул в рукопись дальше и опять вернулся назад. Он точно ловил какую-то ускользавшую от него мысль. Александр знал эту его манеру щурить глаза и потирать пальцами веки.

— Мне помнится, — полузакрыв глаза, неуверенно сказал Дмитрий Сергеевич, — что перед войной некий аспирант Николаев работал над схожей темой. Мне говорил... Да, совершенно верно:

покойный Борис Алексеевич рассказывал мне, — он был его руководителем... Судьбы этой работы не знаю. Наверное — неуспех, иначе нам с вами было бы что-нибудь известно... Да, Николаев... Вам эта фамилия ничего не говорит?

— Нет. — Александр впервые слышал о Николаеве. — Где он работал?

Дмитрий Сергеевич назвал специальный научно-исследовательский институт.

— Интересно, — сказал Александр. — Попробую разузнать, в чем дело.

— Конечно, надо разузнать. Чем чорт не шутит, еще найдете что-нибудь полезное, — сказал Дмитрий Сергеевич. — А время у вас есть, пока оппоненты читают, вам — что? Ждать да мучиться!

Он проводил его со смешком, с шуточкой по обыкновению, весь так и заколыхался в своих подушках. Долгий разговор вовсе его не обессилил, напротив: впалые, сухой кожей обтянутые щеки сейчас порозовели. И, уходя, Александр с восторгом и с нежностью думал об этом больном старике, который умирал, сам знал про себя, что умирает, и спешил использовать каждую дарованную ему минуту жизни для своего прекрасного и умного труда.

Эта неумолимая расчетливость во всем, что касалось времени, была для Александра, наверное, ближе и понятней, чем для кого-нибудь другого.

Полтора года тому назад на одном памятном партийном собрании профессор Сазонов первым поддержал выступление аспиранта Александра Савицкого.

В институте некоторые сотрудники любили поговорить о том, что научная работа — это творчество, требующее вдохновенных порывов. Существовало слегка пренебрежительное отношение к «старателям». Считалось, что трудолюбие — удел бесталанных. Александр на собрании привел интересные цифры, — он подсчитал, что примерно две трети своего рабочего времени аспиранты расходовали впустую: на поиски приборов и проталкивание заказов в мастерской, на очереди в столовой, на бесконечные совещания при кафедрах.

— Мы с вами работаем, как старые музейные паровые машины времен Ползунова с коэффициентом полезного действия две десятых. Когда-то Николай Островский сказал чудесные слова о том, что

человек должен жить так, чтобы ему не было стыдно за свою жизнь. Мало этого. Мы должны жить так, чтобы не было стыдно ни за один бесполезно растроченный или загубленный день.

После четырех лет, проведенных на войне, время приобрело для Александра особую ценность. Он дал себе слово нагнать эти годы.

Он занимался в трамвае по дороге в институт, занимался за обедом, иной раз даже на совещаниях — украдкой. Кандидатские экзамены были сданы отлично, на четыре месяца раньше срока. Диссертацию Александр закончил, обогнав своих товарищей на полгода.

Последнее время ему иногда приходилось сталкиваться с людьми, которые, в погоне за учеными званиями, наспех, с ножницами в руках, «стряпали» свои диссертации. Спешат «остепениться», — шутил про них профессор, руководитель Александра. А среди аспирантов ходило язвительное двустишие:

Ученым можешь ты не быть,
Но кандидатом быть обязан.

К таким научным работникам Александр испытывал глубокое отвращение. Еще более придирчиво проверял он каждый этап своей работы. Товарищи восхищались тщательностью его экспериментов, — он брал на учет все мелочи, исключал возможность малейшей ошибки. Вот почему упоминание Дмитрия Сергеевича о работах некоего Николаева так заинтересовало Александра. Если этот неизвестный ему аспирант работал в том же направлении, что и он, у него появлялась новая возможность еще и еще раз проверить свои выводы. Так он думал, а вместе с тем в душе его поднималось непонятное беспокойство. Он решил завтра же поехать в институт, где занимался Николаев, и узнать судьбу его работы.

В отделе кадров института Александру сообщили, что аспирант Николаев осенью сорок первого года ушел добровольцем на фронт и вскоре погиб в боях под Ленинградом. Александр прошел в лабораторию, где работал Николаев. Сотрудники лаборатории помнили одно: покойный их товарищ добился интересных результатов, разрабатывая новый тип выпрямителя, но окончанию его работ

помешала война. Никаких письменных отчетов в институте не сохранилось. С началом войны лаборатория перешла на новую тематику, и где уж тут запомнить характер и подробности работ Николаева! Александра эти сведения не могли удовлетворить. Тогда его послали к Галине Сергеевне.

— Она единственная, кто, может быть, в состоянии вам помочь, — сказали ему, и он с удивлением заметил: те, кто ему говорил это, смущались, как будто вынужденные открыть какую-то семейную тайну.

Галина Сергеевна оказалась молодой женщиной с гладко зачесанными черными волосами. Она выглянула из-за дверей лаборатории, куда был «вход посторонним воспрещен», строго осмотрела Александра, попросила подождать.

Бывает так, что отношения двух людей, без всякой видимой причины, определяются с первого взгляда. Александр посмотрел на захлопнутую дверь и пожал плечами, где-то внутри себя удивляясь своей внезапной и несправедливой неприязни.

Галина Сергеевна вышла, спуская на ходу засученные рукава белого халатика. Александр рассказал, что его привело к ней. При имени Николаева лицо ее вспыхнуло и тотчас потухло.

— К сожалению, я плохо разбиралась в теме Анатолия, я по специальности химик, — сказала она резко. — Но все его записки находятся у него дома, у матери. Я могу вам дать ее адрес, — неохотно добавила она.

— Благодарю. Вы точно знаете, что материалы сохранились? — Александр решил не обращать внимания на ее тон.

Галина Сергеевна усмехнулась, некрасиво растягивая губы.

— Да, точно. А что, ваша диссертация закончена? — вдруг спросила она, глядя в сторону.

Он понял ее мысль и смутился.

— Закончена и сдана. Работа Николаева представляет для меня, пожалуй, архивный интерес. Во всяком случае, если я найду там что-нибудь интересное, я не воспользуюсь этим без ссылки на имя ее автора, — добавил он вызывающе.

Теперь смутилась она. Александр взял нужный ему адрес и поспешил распрощаться.

Раздосадованный этой встречей, он хотел было прекратить поиски работы Николаева. Но привычка доводить до конца всякое начатое дело взяла верх. Он ехал по адресу, который дала ему эта неприятная, неприветливая женщина, и сам себе доказывал, что вся эта его затея ни к чему.

До той минуты, пока Александр не увидел Марию Тимофеевну Николаеву, он ни разу не подумал об Анатолии Николаеве как о человеке, который когда-то жил здесь, в этом городе, входил в эту тесно заставленную мебелью комнату, может быть спал вот на этой потертой плюшевой кушетке. Для него Николаев был с самого начала мертв. Ему не приходило в голову, что для Марии Тимофеевны ее сын еще продолжал жить в неиссякаемом материнском горе. Горе, отстоявшееся годами, виднелось в ее выцветших глазах, в мелкой ряби морщин, в навсегда усталых движениях.

Когда Александр, избегая лишний раз упомянуть имя сына, осторожно объяснил ей, зачем он здесь, Мария Тимофеевна, видно, плохо поняв его, спросила:

— Вы знали Толю?

И Александр, снова повторяя историю своего прихода, вдруг подумал о том, что он, действительно, мог быть знаком с Анатолием.

— Я с удовольствием покажу вам его записки, — сказала Мария Тимофеевна. — Тут их целый чемодан. Я, когда меня эвакуировали, возила их за собой всю войну.

Она вытащила из-под кровати старенький, выдавший виды, фанерный чемодан и вышла за тряпкой, чтобы обтереть пыль. Александр осмотрелся. В углу у окна стоял небольшой письменный стол, застланный чистой бумагой, прибранный, какой-то безжизненно-аккуратный. Над столом висела фотография. Александр подошел ближе. Худощавое, слегка угрюмое мальчишеское лицо, очень похожее на Марию Тимофеевну, с откинутыми набок светлыми волосами смотрело со стены. На столе, подле чернильного прибора с давно высохшими чернилами, стоял в рамке под стеклом портрет Галины Сергеевны. Александр сразу узнал ее, хотя тут она выглядела совсем молоденькой девушкой и все было другое: прическа, даже черты лица, — мягче, нежнее. Она так приветливо улыбалась Александру, что от его еще свежей обиды не осталось и следа. Александр подошел к этажерке. Почти те же книги, что и у него в шкафу. Курс

электромашин, ионные выпрямители, техника высоких напряжений... Нехватало только нескольких новых изданий, выпущенных после войны.

— Не хочется расставаться с ними, — сказала Мария Тимофеевна за его спиной. Она вошла неслышно. — Остальные я раздала товарищам, целый сундук, а эти оставила. Здесь много пометок его рукой.

Было что-то величественное в том, как храбро жила она со своим горем, не мирясь, не прячась и не забывая ничего.

Мария Тимофеевна открыла чемодан и вынула тщательно перевязанные пачки бумаг.

Александр сел к столу. Он раскрыл первую пачку сверху. Дешевая писчая бумага потемнела по краям и пахла сыростью. Крупным детским почерком на заглавном листе было выведено название темы. Несколько иначе сформулированная, но та же тема, что и у Александра.

Со странным, все возрастающим тревожным и грустным любопытством читал Александр вводную часть. Иногда он непроизвольно отмечал ногтем сомнительные места, со снисходительным удовлетворением убеждаясь, что его обзор гораздо полнее.

Отчеты первых лабораторных опытов он просмотрел без особого интереса. Все это была неизбежная для каждого исследователя кропотливая черная работа по подготовке аппаратуры и накоплению исходных данных. Потом началось главное — поиски, нащупывание новой схемы выпрямителя. Все так! Кончилась проторенная дорожка существующих приборов. Рубеж. Предел. Уже нечего дальше менять, дополнять, дальше начинается творчество.

Александр легко следил за поспешными сокращенными записями Николаева. Здесь все было знакомое, прочувствованное и передуманное им самим. Некоторое время Николаев двигался отличным от него путем, потом их дороги снова сошлись, и Александр испытывал странное ощущение, читая свои же, но искаженные чужим почерком, чужим слогом мысли. В работе Николаева замечалась какая-то неровность, нетерпеливость. Иногда он подолгу топтался на одном месте, повторяя одни и те же опыты, иногда, — и это случалось

чаще, — он перепрыгивал ряд звеньев и сразу добивался того, к чему Александр приходил путем долгих и трудных раздумий.

Александр нервничал. Он поймал себя на том, что еле удерживается от искушения перейти сразу к последней папке.

Один раз он недоверчиво рассмеялся: Анатолий Николаев размашисто через всю страницу писал: «Здесь развилка, есть вариант „А“ и вариант „Б“. Пойду по наиболее очевидной дороге варианта „А“, где, мне кажется, получатся худшие результаты. Но я хочу полной ясности». И он вступил на путь, — тот самый путь, который в свое время Александр избрал без колебаний, как путь единственно правильный.

Александр рассмеялся. Это был смех пренебрежительный, нервный, запись показалась ему вызовом.

— Вам смешно? — раздался вдруг тихий голос Марии Тимофеевны. Александр оторвался от чтения. Она сидела рядом с ним, в кресле. Наверное, давно уже сидела так, притаившись, жадно следя за выражением лица его.

— Что? — переспросил он, недоумевая. Слова не дошли до его сознания.

— Вам смешно, как это он, мол, таких простых вещей не знал? Но ведь прошло семь лет! — Глаза старухи заблестели возрастающей обидой. — Если бы Толя был жив, он добился бы своего. Его профессора говорили, что он уже тогда больших успехов достиг. Для Толи вся жизнь была в этой работе. Вам смешно, а я все думаю о том, как тяжело ему было умирать. Ни трудов своих не закончил, ни войны не закончил. Хотя бы про победу знать! А вот теперь и труды его смешными оказались... Лучше не читайте, молодой человек, и... уходите...

— Нет, нет! — сказал Александр, краснея от стыда. — Простите меня, ради бога, Мария Тимофеевна. Вы не так меня поняли. Разве я...

Не слушая его, она поднялась и вышла из комнаты.

Александр слов не находил, как обругать себя. С поспешностью и отчаянием человека, вынужденного отдать свою находку, открыл он последнюю папку. Во что бы то ни стало он должен был узнать конечный результат работы Николаева.

Он вытащил два последних листа. На первом была вычерчена основная характеристика выпрямителя.

Александр изумленно отпрянул от стола. Он снова наклонился, перевернул лист, вернул в прежнее положение — ничего не изменилось. Очертания заштрихованной площади кривой представляли почти правильный четырехугольник. То, что оставалось на всех его чертежах пунктиром, здесь было вычерчено жирной смелой линией. Он не поверил себе и бросился проверять масштаб. Потом, все еще ища какую-то неточность, может быть ошибку, просчитал таблицу, по которой строилась кривая. Все было правильно.

Александр растерянно и как-то робко оглянулся — в комнате никого не было. Он приоткрыл нижний листок. Вот она — осциллограмма выпрямленного тока. Серая, поблекшая от времени фотография — и кривая на ней тянулась легкой зыбью, почти незаметной для непосвященного человека. Словно итоговым росчерком она венчала собою труд Анатолия Николаева.

Невероятно! Впервые Александр увидел воочию то, о чем он так долго мечтал. Да, это казалось невероятным, как если бы ему показали фотографию его сновидения.

Держа лист в вытянутой руке и не сводя с него глаз, он прошел по коридору на кухню.

Мария Тимофеевна стояла у окна спиной к нему.

— Мария Тимофеевна, вы знаете, что это такое? — блаженным хриплым голосом спросил Александр. — Идеальное выпрямление. Взгляните сюда сами. Разве эта линия кажется вам кривой? Мария Тимофеевна, делайте со мною, что хотите, — я не уйду!

Женщина вдруг заплакала.

— Толя тоже прибежал домой с этой карточкой, стал рассказывать, поднял меня на руки, закружил, а потом...

Она опять отвернулась к окну, точно испугалась воспоминаний.

Теперь нельзя было пропустить ни одной строчки. Александр видел: шаг за шагом подходил Анатолий Николаев к его схеме — схеме Александра. Нетерпеливо следил Александр за его неловкостями и неудачами, забывая о том, что у него их было в свое время еще больше. Ему становилось страшно, как в детской игре в прятки. С каждым опытом круг поисков Николаева неумолимо сужался. Все так, все так! Наступил день, когда Николаев создал схему Александра Савицкого. Тут был предел. Он пришел к этому выводу так же, как и Александр.

Да, тут предел тому, что можно достигнуть принятым методом. И тогда он записал:

«Не годится. Возвращаюсь к варианту „Б“».

Тут был предел, и вместе с тем не было тут предела.

Александр пошарил пальцами по дну надорванной пачки папирос, вытащил, смял папиросу, — пальцы у него, наверное, дрожали, — отбросил ее, отыскал в переполненной окурками пепельнице другую — недокуренную. Недоброе, злое предчувствие толкало сложить бумаги, встать, уйти, не читать дальше. Вернуться сюда через неделю, через месяц после защиты, — чем позже, тем лучше.

Два человека точно следили за ним. Один — хмуро, настороженно, с фотографии на стене, другая Галина Сергеевна, с карточки, оставшейся от тех времен, когда она звалась еще Галей. Почти въявь он ощутил сейчас возле себя их обоих, больше того — они упрямо смотрели ему в глаза и видели там то, в чем он сам боялся признаться.

Александр сморщился, точно от боли.

— Я не уйду, — сказал он и сам услышал свой голос.

Новый материал читался медленно. Трудным, извилистым путем пробивалась мысль Анатолия Николаева. Зачастую Александр останавливался и подолгу отыскивал среди торопливых заметок ход неожиданного вывода. Читал с ревнивой придирчивостью, до хруста сжимая под столом переплетенные пальцы, все ждал, все надеялся вот-вот найти ошибку. Робкая лабораторная схема варианта «Б» день ото дня становилась полнее, обрастала «мясом». С ней происходило то же, что происходит с каждым новым прибором. Сначала она усложнялась, приобретая новые вспомогательные узлы. Надежность и простота появлялись позже. Так бывает с выстроенным зданием, — освобождаясь от громоздкой неразберихи лесов, оно постепенно открывается в стройном замысле архитектора.

Наступил день, когда Анатолий Николаев торжествуя записал: «Вариант „Б“ сравнялся по мощности с вариантом „А“, но это только ступенька». И, как на гонках, вариант «Б» стал обходить вариант «А». И, как на гонках, Николаев, уже далеко уйдя вперед, перестал оглядываться, а Александр все считал и считал, как увеличивается между ними расстояние. Разница между мощностями стала две десятых, три десятых... Вот Николаев заменил конденсатор, и

Александр, не глядя на кривую, знал, что выиграна еще десятая. В два раза, в два раза окончательный результат варианта «Б» превзошел вариант «А»!

Он положил их перед собою рядом. Какой красивой и простой казалась схема Николаева по сравнению с его схемой...

Дважды неслышно входила в комнату Мария Тимофеевна, — он, не оборачиваясь на ее шаги, притихший, ушедший в свои мысли, все сидел у стола.

Ему представился заводский склад таким, каким он видел его последний раз. Рабочие сколачивали огромные ящики, набивали их пахучей мягкой стружкой и осторожно опускали внутрь неуклюжие хрупкие выпрямители. И вот он входит, неся в руках легкую, сверкающую лаком коробку. Ему даже нем нож ко смешно: на свежем лаке, темном и глубоком, как весенняя вода, он видит свое лицо, то нарочито строгое, деловитое, то расплывающееся в улыбке, которую нет никаких сил удержать. Он открывает крышку. И тотчас смолкает стук молотков, и все бросают работу и окружают его... Молчание. Сколько оно тянется, это молчание, — минуту, три, десять? И он сам молчит, до глубины души опять взволнованный красотой прибора, который держит в руках.

Так он мечтал и улыбался своим мечтам, а воображение уже рисовало ему далекий уральский завод, и вот мастер, повернув послушную рукоять выпрямителя, одобрительно говорит: «Ай да молодцы ленинградцы! С головой народ!..» Народ? Он смотрел и видел перед собой на стене уже знакомое ему, до последней черточки уже изученное им мальчишеское лицо, которое точно отвечало ему попрежнему настороженным, выжидающим взглядом. Народ? Что-то такое поднималось в нем, может быть мысль, еще не успевшая созреть до конца, но такая хорошая, такая счастливая, что у него учащенно забилося сердце. Но тотчас он снова помрачнел и вдруг вздрогнул и с тревогой огляделся вокруг себя.

Часы показывали полночь. Кто-то зажег лампу на столе, а он и не заметил, что уже ночь и светит лампа. Мария Тимофеевна спала на диванчике, прикрыв плечи платком. С краю обеденного стола стоял ужин, накрытый на двоих. Мария Тимофеевна заснула, ожидая, когда он кончит свои раздумья, не смея потревожить его, как это, наверное, бывало с ней не раз при жизни сына.

Александр потушил лампу. Он плотно, без стука, притворил за собой входную дверь, спустился на улицу. Начинались июньские ночи, и он, перейдя Литейный мост, сразу свернул на набережную. По сравнению с пустынными светлыми улицами здесь былолюдно. Влюбленные, опираясь на гранитный парапет, глядели на белесую Неву. Все было знакомое: говорливые компании десятиклассников, рыболовы на набережной и эта ясная, негаснущая заря в полнеба.

Александр присел на каменную скамью. На другом ее конце сидели двое: юноша, наклонясь, пальцем водил по выщербленной временем плите, что-то с увлечением объясняя своей подруге. Александр с грустью взрослого человека смотрел сбоку на его тонкую загорелую шею в белом воротничке и думал о том, что семь лет назад, может быть вот на этой же скамейке, сидел Анатолий Николаев и рассказывал Галине о своей удаче. Странно, что, думая о Николаеве, он не испытывал больше ни ревности, ни горечи, он только понимал, что случилось что-то бесповоротное, отчего все его сознание перехватывало, как перехватывает дыхание от сильного удара в грудь...

С упорством отчаяния он продолжал ходить к Марии Тимофеевне. Заставил себя пересчитать наново все расчетные таблицы варианта «Б», проверил все коэффициенты. С полудня уезжал в лабораторию и испытывал схему Николаева. Так прошла неделя. Он осунулся, похудел, избегал встреч, расспросов на работе, дома и даже с Наташей не разговаривал.

Сняв последнюю осциллограмму и сличив ее с кривой Николаева, он убедился в их полной тождественности.

Возможно, если бы, проверяя вариант «Б», он нашел какую-нибудь ошибку, ему стало бы легче. Но прибор не нуждался в его помощи, он работал безупречно при самых тяжелых режимах, которые он придумывал еще и еще раз.

Постепенно мудрая простота варианта «Б» стала казаться Александру настолько логически неизбежной, что представлялось непонятным, как он мог в свое время пройти мимо, не заметить его? При воспоминании о том, что ему придется защищать свой вариант «А», он испытывал почти физическое чувство отвращения.

Настал день, когда он захлопнул последнюю папку. Рукопись покойного Николаева обрывалась на полуслове, но по сути дела работа

была закончена. Оставалось сделать выводы и литературно обработать ее.

Аккуратно перевязав и сложив бумаги в прежнем порядке, Александр достал чемодан, откинул крышку и задумался.

— Мария Тимофеевна, — сказал он, не поворачивая головы, — разрешите я возьму с собою одну папку, последнюю, вот эту. Я верну ее вам через неделю.

— Бери, пожалуйста, все, что тебе надо. — Она так привыкла к нему за неделю, что звала его просто Сашей.

Александр искоса взглянул на нее.

— Я беру ее для того, чтобы подготовить Толину работу к печати, — сказал он, с трудом выговаривая каждое слово.

— А как же твоя диссертация?

Александр пожал плечами. Ни разу в жизни не было ему так тяжело, как в этот день, когда он закрывал за собою дверь в квартиру Николаевых.

В институте уже получили отзывы оппонентов. Александр без интереса прочел, как они оба в одинаково сухих, запутанных и длинных фразах передавали содержание диссертации, свои замечания и общую оценку: «достоин присвоения степени».

Третий отзыв, от Дмитрия Сергеевича, он получил за два дня до защиты. Не отдавая себе ясного отчета в своих действиях, он ждал и всячески оттягивал время до получения этого последнего отзыва. Может быть, Дмитрий Сергеевич сочтет его работу недостаточной? И хотя он знал, что надежда на это была напрасной, но все-таки она давала ему право ждать, ни принимая никакого решения.

Дмитрий Сергеевич сурово распекал Александра за недостатки схемы, но даже сквозь его упреки просвечивала лукавая радость учителя, уверенного в способностях своего ученика.

Читая его отзыв, Александр думал: «Дорогой мой, как обманул я вас! Сколько времени зря погубил! Ведь вы — старый, больной человек!»

Он решил немедленно повидаться со своим руководителем, профессором Можановым.

Можанов читал курсы одновременно в нескольких институтах, состоял членом множества комитетов, комиссий, обществ, всегда

спешил, вел разговоры на ходу, не снимая шляпы, и поймать его было нелегко.

Александр около часа сидел в его институтском кабинете, рассматривая какой-то журнал. Рассматривал и не замечал, что не видит написанного.

Можанов вошел с шумом, кинул пальто на спинку кресла и, отдуваясь, стал искать по карманам платок.

— Ох, что это с вами, Александр Ильич? — спросил он, здороваясь. — Крепко разобрало вас проклятое ожидание. Я тоже волновался перед своей защитой, но вы, кажется, слишком. Впрочем, тут виною отвратная манера нашего брата. Принесут что-нибудь на отзыв, срок — две-три недели. Зачем, спрашивается, три недели? А? Все равно не больше одного вечера потратит, так нет — надо показать, что ты человек занятый... Пожалуй, и я ведь так...

Александр терпеливо слушал, — он знал, что Можанову надо дать выговориться. Когда тот, отдуваясь, наконец опустился в кресло, Александр рассказал о работе Николаева. Как только он показал Можанову новую схему, он сразу позабыл о цели своего прихода. Можанов, захваченный его волнением, прищелкивал языком, охал, вырывал из рук карандаш, и они, перебивая друг друга, искали и находили все новые подтверждения преимуществ варианта «Б». Вдруг Можанов замолчал и как-то странно перевел взгляд с исчерпанного листа бумаги на Александра. Только теперь он начал понимать, что произошло.

— Вот так фокус-покус, — растерянно пробормотал он. Потом свирепо раздернул галстук, расстегнул верхнюю пуговицу рубашки и, пыхтя, отвалился на спинку кресла, всем своим видом давая понять, что ничего другого от такого человека, как Савицкий, и нельзя было ожидать. Александр с усмешкой наблюдал его смятение. Ему доставляло едва ли не удовольствие хоть на короткий срок взвалить всю тяжесть положения на чужие плечи.

— Какой чорт вас дернул перед самой защитой заниматься этой археологией? — с крайним раздражением спросил Можанов. — Послушайте, вот что, — продолжал он решительно, — ни я, ни вы ничего не знаете. Все останется попрежнему. Защищайте как ни в чем не бывало. А потом обработаем рукопись этого Николаева и

напечатаем за его подписью в трудах института. Как раз с нашими издательскими порядками пройдет три-четыре месяца.

— Я думал об этом, но не могу защищать то, что никуда не годится.

— Чепуха! Диссертация вовсе не обязана быть откровением! Она должна показать способности аспиранта к самостоятельной научной работе!

Он схватил Александра под руку и, волоча за собою — взад и вперед по кабинету, доказывал нелепость его сомнений. Доводы так и сыпались на Александра. Вскоре он и вовсе перестал понимать их, прислушиваясь к невнятной тоске, поднимавшейся в нем.

Внезапно Можанов взглянул на часы и, считая, что вопрос решен, заторопился, накинул пальто, потряс Александра за руку, буркнул что-то ободряющее на прощанье и умчался.

Вечером того же дня Можанов вспомнил странный случай с аспирантом Савицким. Почему-то насупившись так, что даже окружающие это заметили, он вновь, про себя стал проверять свои доводы. Он попробовал поставить себя на место Савицкого и с чувством глубокого смущения ощутил ту силу соблазна, которую пришлось бы ему преодолеть, чтобы не воспользоваться трудами Николаева. «Где-нибудь за границей такой Савицкий был бы счастлив, получив возможность безнаказанно украсть чужое изобретение, а у нас мучается», — подумал он, и сразу отлегло от сердца.

Александру разговор с профессором не принес никакой ясности. Он взвесил все беспристрастно, как мог, с присущей ему добросовестностью. Нет, нечего было и думать об этом. Защищать диссертацию, а потом напечатать работу Николаева? Он знал, что это такое: уловка, сделка с совестью, и скверная сделка, лишь прикрывающая желание заработать ученую степень.

Он зашел к себе в лабораторию. С ним здоровались, участливо расспрашивали, приободряли. По лицам товарищей он заметил, что они искренне встревожены его угрюмым видом. Тогда он взял себя в руки и даже принял участие в чтении ходившего по рукам шуточного наставления для аспирантов.

Михаил Брагин, его товарищ по курсу, весельчак и шутник, изрекал:

— «Не пиши длинно: диссертация не „Война и мир“, а ты не Лев Толстой».

«Проверяй качество диссертации на своих домашних и коллегах. Нормальная диссертация должна вызывать непроизвольную зевоту и последующий глубокий сон».

Александр подозрительно смотрел на смеющиеся лица товарищей, — не устроена ли сцена с чтением для того, чтобы заставить его разговориться?

Александр хлопнул ладонью по столу.

— Я постыдился бы смаковать такую пошлость! — Он хотел еще что-то сказать, но смолчал и вышел, не оглядываясь. Все были ошеломлены. Брагин, человек неуязвимого спокойствия, быстро оправился и крикнул ему вдогонку:

— «После успешной защиты устраивай банкет, после неуспешной — тоже».

По голосу его, веселому и дружелюбному, Александр понял, насколько нелепа его мнительность. И все же ушел и мысленно просил извинения у Михаила и товарищей за свою грубость. Они были хорошими друзьями. Может быть, именно с ними и следовало посоветоваться? Они могли понять его лучше, чем Можанов. А какого он ждет совета? Не есть ли поиски советчиков трусость, желание снять с себя ответственность?

Он даже остановился посередине коридора, пораженный этой обидной мыслью, и сразу же услышал за собою торопливый знакомый стук каблучков. Он обернулся — его догоняла Наташа.

Волосы ее растрепались, откинутые назад, платье прилипло к ногам, она была полна ветра и движения.

— Как не стыдно, что это за истерика? — сказала она и, не ожидая ответа, взяла его за руку, повела за собой.

От главного входа в институт сразу же начиналась широкая аллея. Они шли по аллее, и Александр все молчал. Тогда, напуганная его безучастностью и необычайной покорностью, она присела рядом с ним на первую попавшуюся скамейку. Густая, сочная зелень молодого лета выплескивалась на дорожки, точно играя, толкала их в спину лапами кустов.

Девушка смотрела на него пристально и настойчиво. Игра теней на ее лице, казалось, говорила о глубокой внутренней тревоге. Больше

нельзя было молчать. И Александр, мучая себя подробностями, рассказал все.

— Возможны два решения, — сказал он, первое то, которое предложил Можанов: защищать и потом напечатать; второе — отказаться от защиты и напечатать.

— Да, — сказала Наташа, — третьего нет.

Александр усмехнулся.

— Есть только вариант «А» и вариант «Б».

Она благодарно сжала ему пальцы.

— Боже мой, как все сложно получилось! — внезапно вырвалось у нее. — И винить никого нельзя. Да ты сам загрызешь себя, если согласишься на предложение Можанова. И тот же Можанов в глубине души перестанет уважать тебя.

— Значит, не защищать?

— Почему тебя прежде всего беспокоит защита? — Мучительное недоумение слышалось в ее голосе. — Ведь главное все-таки в том, что создан замечательный прибор, в два раза мощнее твоего. Конечно, обидно, что два человека работали над одной темой, и работа одного из них пошла впустую. И обидно, что это твоя работа, Саша... Правда, — устало добавила она, — ты многому научился, но ведь результат...

— Нет его, — жестко сказал Александр. Нет результата. Зачем ты опять об этом?

— Ты хочешь сказать, что меня не трогает твоя судьба! — Наташа прижала руки к груди, словно защищаясь от его упрека. — Глупый ты мой! Для меня столько надежд связано с твоей защитой. Ты честнее многих других заслужил право на нее. Но делать этого нельзя. Сама толком не объясню почему, но нельзя.

— Мне двадцать девять лет, — сказал Александр. — Двадцать девять, а я, оказывается, еще ничего не сделал. Все беру, беру и не отдаю. Школа, институт, потом война, потом аспирантура. Отказаться от защиты, взять другую тему — это еще год. Бился за каждую минуту, и все насмарку...

Девушка порывисто присела перед ним на корточки, пригнула его к себе, снизу вверх заглядывала ему в лицо.

— Знаешь что? Защищай! Но давай поклянемся, что мы с тобой на год откажемся от выходных, от отпуска, будем работать по вечерам,

если нужно — ночами, только чтобы расквитаться с нашим долгом и оправдать потерянный год. Хорошо, милый?

Александр гладил ее по голове, и она чувствовала, что пальцы его слегка дрожат.

— Боюсь, что мне нельзя верить в долг. Я не смог сделать того, что Николаев сделал шесть лет тому назад. Это может означать только то, что я бездарный человек и мне не место в науке. Подожди. Это еще не самое плохое. Хуже всего то, что мне страстно хочется стать кандидатом наук для того, чтобы начать самостоятельно работать, что я ищу себе оправдания, взвешиваю, колеблюсь... и что я, кажется, все, же буду защищать... Ты напрасно меня обвиняла, я доволен, что создан выпрямитель лучше моего, но мне противно потихоньку отступить, чтобы потом какой-нибудь фертик посмеивался: «Да у него, наверное, ничего не вышло! А помните?..» и пойдет. Что, мелко? А стоит подумать про такое, и все мое мужество летит в трубу...

Девушка молчала. Может быть, он по-своему — и опять нехорошо, неверно — понял ее молчание, только вдруг поднялся, сказал: «Ты прости, я пойду, хочу один побыть» и ушел, не оглядываясь, оставляя глубоко вдавленный след на влажном песке аллеи.

А через час, когда Наташа уже вернулась в лабораторию, ее вызвали к телефону. Звонил Александр, и, казалось, он был далеко-далеко, за тысячу километров от нее, так глухо звучал его голос.

— Я ничего не слышу, — твердила она, морщась и продувая трубку. — Громче... Саша, откуда ты? Из автомата?.. Что ты сказал?..

— Я буду... — донеслось к ней... — Я все решил... Я буду — слышишь меня? — я буду защищать...

Пока секретарь ученого совета зачитывал краткую биографию Савицкого, он заставил себя проверить развешенные на доске чертежи. На мгновение он закрыл глаза и почувствовал, как ему плохо.

— Пожалуйста, Александр Ильич, — сказал секретарь.

Он повернулся к залу, в руки ему попала указка, еще секунду он задержался, с трудом отрывая ее от стола, точно приклеенную, и начал чужим, ровным голосом, очень спокойно.

Проверяя себя, следил за движением кончика указки, в нужных местах делал паузы, подчеркивал голосом наиболее важные выводы.

Чем дальше он говорил, тем скорее хотелось кончить. Он стиснул указку так, что пальцы его побелели, и принудил себя не пропустить ничего из того, что ему нужно было сказать.

Закончив, он осторожно опустил указку на стол, и сразу стало легче. Начались выступления оппонентов. Он сел в стороне и, придвинув лист бумаги, приготовился записывать. Кто-то положил перед ним тщательно сложенную, как складывают пакетики для порошков, бумажку. Он развернул, прочел и сразу же стал внимательно оглядывать аудиторию. Шторы на окнах были подняты, солнце освещало возвышающиеся амфитеатром скамьи с пюпитрами. Народу было много. В первом ряду сидели Можанов, Брагин и товарищи Александра по курсу. Можанов, пока говорил оппонент, что-то недовольно записывал. Товарищи тревожно глядели на Александра, он успокаивающе кивнул им головой. Выше несколько студентов-дипломантов, напряженно вытянув шеи, подталкивали друг друга локтями, слушали оппонента. Еще выше он увидел Наташу. Она сидела рядом с его матерью и шептала ей что-то на ухо, не спуская с него глаз. Заметив, что он смотрит на них, они обе ободряюще улыбнулись ему, но улыбки получились такими вымученными, что ему стало жаль их. Он подумал:

«Мать ничего не знает про меня, но скрыть от нее свое состояние я не сумел. И что может ей сказать Наташа? Ведь через час...»

Наташа одета была в новое яркосинее праздничное платье с матросским воротничком. Он знал: она специально шила его к этому дню. Ему становилось все хуже и хуже. В особенности из-за того, что здесь — мать. Зачем пришла мать? Он ее не звал, сказал ей, что посторонним нельзя. Он посмотрел вверх, в дальний угол аудитории. Вот главный конструктор завода выпрямителей. Сергей с женою — его школьный друг. Сергей поднял ладони и беззвучно похлопал ему. Это уже совсем ни к чему. И вот наконец он нашел...

Странно, что они сидели как раз на том месте, где он слушал лекции в студенческие времена. Они обе были взволнованные и печальные, и Александр знал, что между ними произошло: Мария Тимофеевна не велела Галине посылать ему эту записку.

Председатель ученого совета грузно поднялся со своего места и зачитал отзыв Дмитрия Сергеевича. Слова звучали необыкновенно свежо, в каждом слове чувствовалась умная, известная многим в этом

зале, стариковская забота. Александр расслышал несколько фраз, на которые раньше не обратил внимания: «Есть старомодное метафорическое выражение: „возложить на алтарь науки“. Это очень хорошо и очень страшно, когда молодой ученый кладет свой первый труд на рабочий стол науки»... И хотя слова эти были в пользу Александра, он невольно пригнул голову, словно пугаясь их жестокой правды.

Потом выступил главный конструктор завода. Он сердечно похвалил диссертацию Савицкого, отпустил несколько комплиментов молодежи, занимающейся такой актуальной темой, и, хитро жмурясь, пожаловался:

— Заказчики наши форменные обжоры. Им подавай мощность. Больше мощности. Вот мы и ходим, снимаем шапочку и кланяемся — помогите нам с мощностью.

Словом, выходило так, что все внимание аспирантов и института надо сосредоточить на выпрямителях. Это первостепенный, можно сказать — государственный вопрос. Главного конструктора проводили дружными аплодисментами.

К моменту заключительного слова Александр уже потерял счет времени. События растягивались для него, как кадры замедленной съемки.

И вот он снова на кафедре. Зачем-то разглядел свои записи, свои возражения оппонентам, как будто бы и в самом деле собирался возражать. Ждали, как он начнет, но он молчал. Он подошел к доске, рывком поднял ее. Она, скользя, взлетела вверх, и под ней на нижней чистой доске он кнопками приколот два чертежа.

— Наилучшим ответом на вопросы оппонентов, — сказал он как можно спокойнее, — будут представленные здесь схемы. Они были разработаны покойным аспирантом Анатолием Николаевым в тысяча девятьсот сорок первом году в его диссертации. Николаеву удалось добиться гораздо лучших результатов и полностью избежать всех тех недостатков, которые справедливо были отмечены в моей работе.

Он стал рассказывать о приборе Николаева. Время было ограниченное: за те считанные минуты, которыми он располагал, нужно было охарактеризовать всю новизну принципа действия, надежность, качество, простоту изготовления, мощность; он глотал

концы фраз, ему нехватало дыхания, но теперь-то он говорил своим настоящим голосом.

Однажды он взглянул в зал, и вспышкой магия ему запечатлелись подпрыгивающие очки на потном носу Можанова, ужас и растерянность Сергея, любопытство студентов, мучительная складка на лбу Наташи, испуг матери, благодарное смущение Галины. Мария Тимофеевна сидела, закрыв руками лицо, плечи ее вздрагивали. Главный конструктор лег грудью на парту, приставив ладонь к уху. Вот у кого в глазах была только радость!.. Александр передохнул и, обращаясь уже исключительно к членам ученого совета, объяснил, каким образом ему стало известно о работе Николаева.

— Я считаю, что, таким образом, моя диссертация не имеет никакой ценности, и, стало быть, я не могу претендовать на степень кандидата технических наук. Произошла нелепая случайность, в которой никого нельзя винить, но, может быть, благодаря ей мы получили возможность обнаружить действительно ценную научную работу, большое и нужное стране открытие.

Председатель совета, известный всем электротехникам Союза, член-корреспондент Академии наук, огромный, широкоплечий, с львиным лицом человек, поднялся с места.

— Разрешите узнать, почему вы, товарищ Савицкий, не сообщили об этом в ученый совет до вашей защиты? — холодно спросил он.

— Савицкий ни при чем, — крикнул Можанов. — Он рассказал мне все, и я уговорил его защищать, я считаю...

Можанов хотел еще что-то сказать, но Александр прервал его.

— Я должен был защищать, чтобы доказать, что я честно работал три года аспирантуры.

Было очень тихо. Кто-то глухо раскашлялся, зажав ладонью рот.

— Понятно, — сказал председатель ученого совета. — Я попрошу членов совета выйти в соседнюю комнату. — И, согнув голову, первым прошел в низенькую дверь ассистентской.

Александр закурил и стал снимать и сворачивать чертежи: свои отдельно и прибора Николаева отдельно.

Кто-то пробежал к выходу, быстро-быстро простучали каблук, хлопнула дверь, и Александр даже не обернулся, — он знал и так: это выбежала Наташа. Не выдержала и выбежала. Он до того устал, что у него хватило сил только с нежностью подумать о ней.

Один за другим вернулись из ассистентской члены ученого совета; не глядя друг на друга, долго рассаживались по своим местам. Секретарь, привстав на цыпочки, что-то зашептал на ухо председателю совета. Тот буркнул, насупил седые брови, отобрал у секретаря бумажку и, отставив ее на вытянутую руку, как это делают дальновзоркие люди, прочел решение.

Ученый совет постановил: степени кандидата аспиранту Савицкому не присваивать, так как его работа не была оригинальной. «В то же время, — читал, раздельно выговаривая слова, председатель, — отмечая несомненные способности Савицкого к самостоятельной научной работе, а главное — что представленная им диссертация заслуживала бы присвоения степени кандидата технических наук, если бы не обнаруженная тем же Савицким работа Николаева, просить министерство о продлении срока аспирантуры на год». Одновременно совет рекомендовал работу Николаева для немедленного опубликования.

Он вернул листок секретарю и подошел к Александру.

— Александр Ильич, — оказал он тихо, и все, кто тут был, встали, — вы совершили благородный поступок, и мне кажется, что он лучше всякой защиты доказывает нам, что вы будете настоящим советским ученым.

Он пожал обеими руками руку Александра, и вся аудитория яростно, давая выход своим чувствам, зааплодировала.

В вестибюле Александра окружила толпа. Здесь были его друзья, знакомые, однокурсники. Он видел мать чуть в стороне ото всех, она так и тянулась к нему. Все стояли несколько смущенные, не зная, как вести себя, что сказать, все только смотрели и улыбались. Вдруг толпа раздалась, освобождая проход. Галина под руку с Марией Тимофеевной подошла к Александру.

— Мы поздравляем вас, Александр Ильич, — сказала она и протянула ему букет цветов.

Он облизнул сухие губы.

— С чем? — хрипло спросил он, решив итти напролом. — С чем вы меня поздравляете?

Брови Галины Сергеевны дрогнули, и лицо ее стало в точности таким, как на карточке на столе у Анатолия Николаева.

— Вы защитили мою веру в человека, — сказала она так просто, что никому слова ее не показались выпенными.

...Они вышли все вместе на широкую площадку перед институтом. В глубине сада Александр увидел Наташу. Он бросился к ней, — в одной руке цветы, в другой — рулоны чертежей, — остановился, хотел что-то сказать, но по глазам ее, печальным и сияющим, увидел, что она уже все знает или догадалась.

— Наташа... — начал он, — только тебе сейчас... — и не договорил, — кто-то настойчиво потянул его за плечо. Он отмахнулся, но рука была хваткая, сильная, она не отпускала. Главный конструктор завода стоял рядом с ним.

— Александр Ильич, дорогой, машина ждет. Едемте на завод. Я хочу, чтоб мы с вами подробно рассмотрели проект.

Александр раздул ноздри.

— Послушайте...

— Так! Все понятно. «Убирайтесь к чорту»? Да? — Главный конструктор со вздохом сдвинул шляпу на глаза и почесал затылок. — Хорошо. Ухожу. Но имейте в виду: завтра с утра я заеду за вами.

Он отошел на несколько шагов, но вернулся.

— Не могу, дорогой, — оказал он, — дайте хоть здесь еще разок посмотреть на чертежи.

Александр молча протянул ему рулон.

Инженер разложил листы тут же на скамье. Теперь он не просил, а приказывал ему, Александру и девушке, которая стояла рядом с ним, держать листы, чтобы их не сдуло ветром. Он согнулся в дугу, близко придвинул к листам свои близорукие глаза. Шляпа ему мешала, он сунул ее Наташе в руки. Его восклицания и ужимки были так забавны, что положительно на него нельзя было сердиться.

Потом он замолчал и выпрямился.

— Отлично, — сказал он. — Цены нет! Только... — он нахмурился точно в раздумьи, — так ли это? — Потом мотнул головой. — Да. Мало!

— Что мало? — Александр недоумевал.

— Мощности. Нам будет мало, мало этой мощности!.. Ну что вы так уставились на меня? — выкрикнул главный конструктор. — Я говорю: машина ждет. Пройдем со мной по цехам, взгляните своими глазами. Откройте газету — сегодня, завтра, любую, я говорю, —

ленинградскую или челябинскую!.. Мало!.. «А», «Б» — все это превосходно, но мы будем требовать вариант «В», вариант «Г», чорт возьми! Или это предел?

Наташа почему-то поднялась со скамьи и заглянула в лицо Александру. А он, не замечая ее, вдруг обошел скамью и через плечо главного конструктора сам заглянул в чертежи. «Мало? Мало мощности?» — повторил он шопотом, как бы ловя какую-то внезапную и еще ускользающую мысль.